

Г Л А В А ХХІІІ.
А п п о г е й м у ш т р о в к и.
(1832—1852 г. г.).

Итакъ, кончилась Польская война. Рязанцы возвращались обратно на старыя квартиры во внутреннія губерніи Россіи.

Послѣ утомительныхъ маршей въ погонѣ за мятежными шайками по болотамъ и лѣснымъ труппамъ Литвы, опять приходилось приниматься за старыя занятія: караулы, смотры, парады.

Будничная жизнь во всей ея неприглядной обстановкѣ вновь вступила въ свои права и на этотъ разъ на цѣлые десятки лѣтъ. Скоро были забыты кровавые, горькіе уроки минувшей войны. Плацъ - парадная муштровка опять восторжествовала, опять несносный нѣмецкій педантизмъ стремится не повергать русскаго солдата. И сладкій былъ этотъ, свыше двадцатилѣтній, сонъ для нашихъ инспекторовъ-начальниковъ, но за то страшное пробужденіе въ кровавые дни Севастополя.

За все время, считая съ тридцатыхъ до начала пятидесятыхъ годовъ 18-го столѣтія, полковая хроника не сохранила намъ ничего особенно замѣчательнаго. Періодъ этотъ, за весьма малыми исключениями, ничѣмъ не отличался отъ предшествующаго, прерваннаго лишь на короткое время польскимъ возмущеніемъ.

Въ концѣ января 1832 года полку приказано было готовиться къ походу на государственныя работы по соединенію каналами рѣкъ Москвы съ Волгою.

Нисколько не горевали Рязанцы такому скорому оставленію квартиръ въ Бѣлороссіи. Имѣя 1-й баталіонъ въ Москвѣ, а 2-й въ Опшянахъ, полкъ расположенъ былъ по обывателямъ до-нельзя скверно. Число больныхъ къ 1-му февраля возросло до огромной цифры, — свыше 400 человекъ на полкъ;¹ даже приказной журналъ дивизіи называетъ квартиры Рязанцевъ у обывателей «невозможными.»²

Но ни просьбами, ни угрозами нельзя было добиться у мѣстныхъ властей отвода лучшихъ помѣщеній; крайняя нищета жителей мѣшала этому, она же вліяла не мало и наскучность провіанта, обыкновенно отпускаемаго хозяевами своимъ «постояльцамъ.»

Волей неволей, а пришлось ради улучшенія нищи расходовать экономическую полковую сумму, безъ того уменьшеную Литовскимъ походомъ. Значительнымъ поэтому для чиновъ полка подспорьемъ было опубликованное въ половинѣ февраля Высочайшее повелѣніе о томъ, что Государь Императоръ жалуетъ войскамъ 4-го корпуса за все время пребывания ихъ въ Царствѣ Польскомъ жалованіе по грузинскому окладу.³

Между тѣмъ, съ наступленіемъ весны приближался срокъ выступления на государственныя работы. Для движенія опредѣленъ слѣдующій порядокъ начальникомъ дивизіи: баталіоны изъ пунктовъ своего квартированія выступаютъ въ концѣ марта и сосредоточиваются въ городѣ Городкѣ, откуда въ одной общей колоннѣ слѣдуютъ въ Московскую губернію; къ 1-му баталіону, за неимѣніемъ при немъ медицинскаго персонала, прикомандировывается на время марша къ Городку младшій врачъ 1-й батареинной роты Руннъ, которому оставаться тамъ до 12 апрѣля, т. е. до прибытія въ Городокъ батареинной роты.⁴

Распоряженіе это, однако, было отмѣнено: 2-му баталіону приказано изъ Опшянъ присоединиться въ Минскѣ къ 1-му баталіону и съ нимъ вмѣстѣ отъ Минска идти на государственныя работы. Незначительное передвиженіе 2-го баталіона къ Минску не обошлось все же благополучно медицинскимъ его чинамъ, такъ слѣдовавшій при баталіонѣ полковой врачъ Левинцовъ подвергся строгому взысканію за оставленіе въ дорогѣ больныхъ и прибытіе въ Минскъ двумя днями ранѣе баталіона.⁵

Когда такимъ образомъ 2-й баталіонъ начиналъ движеніе въ Минскъ, пріѣхалъ командиръ 4-го пѣх. корпуса г. л. Савонни и произвелъ смотръ 1-му баталіону.

Результаты смотра, объявленные г. м. Фрикеномъ, - для насъ весьма интересны, какъ рисующіе взглядъ начальства на состояніе Рязанскаго полка вскорѣ послѣ окончанія военнаго похода.⁶

«Въ декабрѣ прошлаго 1831 года, писалъ генераль Фрикень, въ г. Минскѣ при осмотрѣ мною Рязанскаго полка сдѣланы были замѣчанія. Нынѣ послѣ 3-хъ мѣсячной стоянки на одномъ мѣстѣ, при осмотрѣ корпуснымъ командиромъ 1-го баталіона, повторились тѣже замѣчанія, что и въ декабрѣ, кромѣ что сшиты мундировъ и панталоновъ нѣкоторое число и то весьма дурно, такъ что все непременно передѣлать нужно, ремни немного лучше были выбѣлены; обозъ вычищенъ и выкрашенъ и лазаретныя вѣщи пополнены, прочія затѣмъ, какъ то: кивера исправлены, патронныя сумы и штыковыя ножны въ томъ же видѣ, какъ были; сапоги не сшиты, а состоятъ на людяхъ подобно лаптей, щелеты также не хороши и вообще люди одѣты весьма дурно. О выправкѣ одиночной, повидимому, было забыто вовсе. Однимъ словомъ, баталіонъ представленъ былъ корпусному командиру въ жалкомъ видѣ.»

Съ такимъ неодобрительнымъ отзывомъ о цѣлой половинѣ полка тронулись Рязанцы отъ границы Литвы въ назначенный походъ. 1 мая встрѣчаемъ полкъ на маршѣ въ Смоленской губерніи у деревни Михайловки, а къ 1-му іюня въ Московской губерніи, Клинскомъ уѣздѣ, уже расположеннымъ по линіи работъ.

Походъ, кажется, совершенъ былъ безъ особыхъ приключеній; только при повѣркѣ начальникомъ дивизіи арестантовъ на одной изъ дневокъ замѣчено, что изъ 14 человекъ 10 содержатся безъ всякаго о нихъ дѣйствія болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, а одинъ даже съ декабря 1831 года. «Это нарушаетъ государственныя постановленія», объявлялъ въ приказѣ г.-м. Фрикень, а потому безотлагательно закончить о нихъ дѣла и донести отъ чего это произошло. Съ приходомъ на работы первое, что обращало на себя вниманіе, — это, конечно, увеличеніе побѣговъ, въ особенности порочныхъ солдатъ. Но это зло ста-

рое давно извѣстное, о немъ и распространяться не будемъ; развѣ только необходимо упомянуть, что къ различнымъ рекомендуемымъ для отвращенія побѣговъ мѣрамъ на этотъ разъ добавлено еще приказаніе: «всѣмъ сданнымъ на службу за пороки брить лбы и представлять при полковыхъ штабахъ подъ строгимъ надзоромъ.» Но и надзоръ мало помогаль, какъ видно изъ происшествія, приключившагося съ нашимъ офицеромъ.

13 и 16 іюня изъ команды ш.-капитана Алеповича, слѣдующей въ дивизионную квартиру въ г. Клинь, бѣжало 9 человѣкъ солдатъ, сданныхъ въ службу за преступленія. За допущеніе побѣга ш.-капитанъ Алеповичъ арестованъ на три дня, а «роты ему не ввѣрять, пока усердіемъ не обратитъ на себя вниманія начальства, сказано въ приказѣ.

Провіантское довольствіе на время государственныхъ работъ получали Рязанцы изъ центрального депо, расположеннаго въ селѣ Подсолнечной-Горѣ, къ коему, кромѣ Рязанскаго, причислены были также полки: Бѣлевскій, Ряжскій и 29 Егерскій.

Лѣто 1832 года стояло весьма дождливое, почему и работы производились не каждый день. Бѣда для полка не особенно велика: къ сожалѣнію, однако, съ состояніемъ погоды, тѣсно было связано состояніе солдатскаго желудка. Получая въ рабочій день ни съ говядиной, солдатъ на отдыхъ долженъ былъ довольствоваться лишь жидкими щами съ саломъ, да порціей вина, отпускаемой только два раза въ недѣлю. При существовавшей тогда въ Россіи системѣ снабженіе виномъ на работахъ связывалось съ большими затрудненіями. Дѣло въ томъ, что переносъ вина изъ одного уѣзда въ другой строго воспрещался закономъ о винныхъ откупахъ, а избѣжать его, въ особенности полкамъ, расквартированнымъ по линіи работъ сразу въ 2-хъ уѣздахъ, было весьма трудно. За нарушенія такого постановленія, взысканіе по жалобѣ откупщика ложилось всецѣло на командира полка и не только при покупкѣ вина въ другомъ уѣздѣ для цѣлой части, но даже при переносѣ его одиночными нижними чинами, для собственныхъ надобностей.⁸ Какъ раньше бывало, такъ и теперь, даже можетъ и больше, наряду съ работами шли строевыя занятія.

Въ половинѣ мая прибылъ къ дивизіи командированный по Высочайшему повелѣнію изъ образцоваго 6 Егерскаго полка ш.-капитанъ Лундышевъ «для образованія насъ по всѣмъ частямъ фронтальной службы, а равно уравниенія въ мундирныхъ и амуниціонныхъ вещахъ.» Ш.-капитану Лундышеву поручена была учебная команда, на сформированіе которой каждый полкъ дивизіи выдѣлилъ самыхъ видныхъ людей: 1 оберъ-офицера, 4 унтеръ-офицера, 4 барабанщика и 1 флейщика. Отъ Рязанскаго полка кромѣ того—1 горнистъ, 12 рядовыхъ, (портной и сапожникъ); всего отъ 6 полковъ 122 челов. нижнихъ чиновъ.⁹

Учебная команда вела усердно свои занятія, а въ ротахъ не менѣе тщательно подговляла людей «самыхъ лучшихъ поведеніемъ и фигурою» для отправки въ образцовый полкъ. Выборъ съ каждаго баталіона по одному унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ съ однимъ горнистомъ отъ полка имѣлъ состояться поздней осенью. Не мало времени отняла также состоявшаяся, на основаніи распоряженія главнокомандующаго 1-й арміей, передача ружей изъ однихъ полковъ въ другія.

Всепоглащающее однообразіе требовало, дабы пѣхотные полки имѣли ружья съ короткими штыками, а егерскіе съ длинными и это «минуя всѣ отговорки полковыхъ командировъ,» говорилось въ приказѣ. Рязанскій полкъ имѣлъ ружей съ короткими штыками 504, съ длинными же 1077,—послѣдніе надлежало сдать и взамѣнъ получить такое же количество изъ другихъ полковъ. Сложная манипуляція эта произведена Рязанскимъ полкомъ съ полками 29 и 30 Егерскимъ, Тульскимъ и Бѣлевскимъ.¹⁰

11 іюля, согласно общаго расписанія по войскамъ 1-й арміи, полку произведенъ начальникомъ дивизіи инспекторскій смотръ, послѣ котораго Рязанцы перешли въ лагерь близъ деревни Осиповой, Клинскаго уѣзда.

Время быстро приближалось къ осени. 1 сентября закончила свои занятія образцовая учебная команда ш.-капитана Лундышева, выпустивъ въ полкъ учителями 5 унтеръ-офицеровъ и 5 рядовыхъ. За отличное знаніе фронтальной службы прямо пзъ команды выпущенъ

въ унтеръ-офицеры рядовой Алексѣй Егоровъ, замѣтимъ при этомъ, что такого рѣдкаго отличія на всю дивизию удостоился еще одинъ только рядовой 30 Егерскаго полка.¹¹

Вскорѣ послѣ смотра учебной команды снялись Рязанцы съ работъ. Штабъ полка расположился въ городѣ Каширѣ, а роты по деревнямъ въ уѣздѣ, гдѣ отдыхали съ похода въ теченіе 2-хъ недѣль.

3-й резервный баталіонъ почти въ одно время съ полкомъ покинулъ границы Литвы и также, какъ и онъ, провелъ лѣто 1832 года на работахъ въ крѣпости Бобруйскѣ. Баталіонъ этотъ состоялъ въ вѣдѣніи Военнаго Министра и числился въ резервной дивизіи 4-го корпуса г. м. Веселовскаго.

Изъ Бобруйска 3-й резервный баталіонъ направленъ былъ въ Слободско-Украинскую губернію, въ село Колонтаевку, куда прибылъ 16 октября, но на зимнія квартиры окончательно сталъ въ концѣ ноября въ заштатномъ городкѣ Краснокутскѣ, имѣя одну лишь 9-ю мушкатерскую роту въ селеніи Порхомовкѣ.¹²

Въ такомъ расположеніи засталъ Рязанцевъ 1833 годъ, — годъ значительныхъ преобразованій въ организаціи и устройствѣ арміи. Въ началу царствованія Императора Николая I-го всѣ пѣхотные полки имѣли, какъ извѣстно, 3-хъ баталіонный составъ, по четыре роты въ баталіонѣ, изъ которыхъ одна гренадерская, а остальные мушкатерскія, но въ военный походъ выступали только два баталіона. 3-й же служилъ кадромъ для формированія новыхъ частей и пополненія убыли въ дѣйствующихъ баталіонахъ. Никакого различія въ организаціи, обученіи или вооруженіи гренадерскихъ и мушкатерскихъ ротъ не существовало, они различались только мелочами въ формѣ обмундированія и ростомъ нижнихъ чиновъ.

Такой порядокъ продержался безъ всякихъ измѣненій до 1833 года, когда Высочайшимъ приказомъ въ 28 день января повелѣно было приступить къ преобразованію арміи по новому положенію. Сущность этого положенія, названнаго впрочемъ «проектомъ», заключалась въ слѣдующемъ: часть пѣхотныхъ полковъ расформируется; оставшіеся получаютъ въ составъ: всѣ пѣхотные полки первыхъ пяти корпусовъ, четыре дѣйствующихъ и два резервныхъ баталіона:

а полки 6-го корпуса два дѣйствующихъ и два резервныхъ баталіона. Всѣ резервные баталіоны совершенно отдѣлены отъ дѣйствующихъ и образовали 6 резервныхъ дивизій по одной на корпусъ.

Дѣленіе войскъ на двѣ арміи отмѣнено. Пѣхотные корпуса получили составъ 3-хъ пѣхотныхъ дивизій, каждая въ двѣ бригады, четыре полка одной легкой кавалерійской (уланской или гусарской) и одной артиллерійской изъ 3-хъ бригадъ, каждая въ три батареи.

Наибольшую важность, такимъ образомъ, при новомъ переформированіи арміи должно было имѣть усиленіе резервныхъ войскъ. Уже въ то время условія войны настоятельно требовали значительнаго развитія вооруженныхъ силъ государства въ военное время, содержа въ мирное меньшее ихъ число. Къ сожалѣнію, однако, ясно познавая такую потребность, мы оставили прежній продолжительный въ 25 лѣтъ срокъ службы нижнихъ чиновъ, что сводило реформу не болѣе, какъ къ полумѣрѣ. Правда, здѣсь замѣшанъ былъ вопросъ огромнѣйшаго значенія для государства: оставить ли воинскую повинность повинностью общинною, однихъ лишь податныхъ сословій или же перейти къ повинности личной, а слѣдовательно затронуть положеніе о крѣпостной зависимости крестьянъ,—но на это не рѣшались. Да и взглядъ тогдашнихъ высшихъ военныхъ сферъ на обученіе солдатъ, какъ нельзя болѣе, соответствовалъ продолжительнымъ срокамъ службы, уступая передъ требованіями государственной важности каждый годъ сокращенія ея чуть ли не съ бою.

Рязанскій полкъ, какъ состоящій въ 4-мъ корпусѣ, имѣлъ довести составъ свой до 4-хъ дѣйствующихъ и 2-хъ резервныхъ баталіоновъ. Для такого усиленія предназначенъ былъ цѣликомъ 29 Егерскій полкъ: 1-й и 2-й баталіоны его причислились къ нашему полку подъ №№ 3-м и 4-мъ, 3-й же резервный баталіонъ Егерей принималъ № 6-го резервнаго, пятымъ по номеру считался нашъ бывший 3-й резервный баталіонъ. Предназначенный къ расформированію и включенію въ составъ Рязанцевъ 29 Егерскій полкъ, хотя и не насчитывалъ много годовъ своей службы Царю и Россіи, тѣмъ не менѣе записалъ не одну славную страницу въ лѣтописяхъ нашей арміи.

Сформированный 11 іюня 1813 года¹³ изъ 2-хъ баталіоновъ Крымскаго полка¹⁴ и изъ рекрутскихъ или резервныхъ баталіоновъ

Нейшлотскаго и Пензенскаго полковъ,¹⁵ онъ носилъ сначала названіе Измаильскаго полка, но уже 28 ноября того же года переименованъ въ 56 Егерскій полкъ. № 29-й данъ ему 30 августа 1815 г.

Полкъ этотъ съ выдающимся успѣхомъ принималъ участіе въ войнѣ съ Франціей въ 1814 году, за что удостоенъ Высочайшей награды: надпись на киверахъ «за отличіе.» Въ Польскую войну 1831 года Егеря 29-го полка безмѣнно въ авангардѣ много положили заслугъ при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Литвы.

Расформированіе 29 Егерскаго полка и другихъ ему подобныхъ было несомнѣнно въ нравственномъ отношеніи большой потерей для русской арміи. Оно еще разъ безъ лишнихъ словъ свидѣтельствовало о всерастлѣвающимъ значеніи муштровки, для которой армія—бездушная машина, а нравственный элементъ, дорогія традиціи прошлаго—пустой звукъ.

Нынѣ единственнымъ нагляднымъ памятникомъ, существованія въ рядахъ русской арміи славнаго 29-го Егерскаго полка, осталась полковая его Икона во имя Св. Преподобнаго Сергія Радонежскаго, хранимая въ полковой церкви Рязанцевъ.¹⁶

Сложной процедурой, связанной съ расформированіемъ однихъ частей и усиленіемъ состава другихъ, завѣдывалъ въ 15 пѣх. дивизіи Высочайше командированный для этой цѣли Полковникъ Иващъ Антоновичъ Даровскій, который приказомъ отъ 31 апрѣля назначенъ командиромъ Рязанскаго полка, по новому составу.

Лестная служебная оцѣнка полковника Даровскаго очевидна изъ такого его назначенія. Замѣчательно, однако, что настоящій командиръ Рязанцевъ, подполковникъ Ганкевичъ, 1 марта произведенъ былъ въ полковники съ утвержденіемъ въ должности. Приказъ 31 апрѣля не исключалъ его изъ списковъ и такимъ образомъ въ концѣ концовъ въ полку явилось три командира: фактическій—полковникъ Даровскій, номинальный—полковникъ Ганкевичъ, да бывший командиръ Егерей полковникъ Сергій Николаевичъ Ермоловъ. Переформированіе прежде всего коснулось резервнаго баталіона. Уже 13 мая къ нашему 3-му резервному баталіону прибыли люди (303 ч.) резервнаго баталіона 26-го Егерскаго полка, которые вмѣстѣ съ нимъ составили

сводно-резервный баталіонъ Рязанскаго полка. Первый полубаталіонъ со штабомъ расположился въ поселеніяхъ Борисоглѣбскаго и Серпуховскаго Уланскаго полковъ въ слободѣ Борисоглѣбскѣ, а 2-й въ слободѣ Новосерпуховѣ. Въ теченіе лѣта организація полковаго резерва была закончена, но за недостаткомъ людей не пошла далѣе сформированія 2-хъ полубаталіоновъ. Командиромъ своднаго резервнаго баталіона Рязанскаго полка назначенъ, бывшій 29-го Егерскаго полка, маіоръ Петровъ, изъ того же полка въ резервъ назначены еще маіоръ Соханскій и 13 оберъ-офицеровъ.¹⁷

Въ 1 ноября сводно-резервный баталіонъ расположился: штабъ въ городѣ Зміевѣ; роты: 5-я сводно-гренадерская въ слободѣ Тарастовѣ, 13-свод.-мушкатер. въ с. Соколовѣ, 14-я свод.-мушкатер. въ с. Мережѣ и 15-я въ с. Боровой.¹⁸ Что же касается дѣйствующихъ баталіоновъ полка, то ихъ переформированіе имѣло произойти въ періодъ лѣтняго сбора дивизіи на государственныхъ работахъ, дабы напрасно не передвигать Егерей въ Каширу.

Такъ на самомъ дѣлѣ и произошло.

1-го іюля Рязанцы на маршѣ въ селѣ Растуковѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, включили въ свои ряды расформированный 29-й Егерскій полкъ въ нижеслѣдующемъ составѣ:¹⁹ штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 44, портупей-юнкеровъ 8, кантонистовъ 4, фельдфебелей 8, юнкеровъ 8, унтеръ-офицеровъ 167, рядовыхъ 1374, музыкантовъ 78, нестроевыхъ 72 и денщиковъ 58; 5-й фурштадской роты тяжелый и легкій обозъ, а съ ними вагенмейстеръ 1, унтеръ-офицеръ и рядовыхъ 32. Теперь въ полку состояло на лицо: штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 60, унтеръ-офицеровъ 314, музыкантовъ 132, рядовыхъ 2623, рекрутъ 18, кантонистовъ 2, и въ нестроевой ротѣ рядовыхъ 124, лошадей 110.²⁰

Усиленный Егерями Рязанскій полкъ переведенъ въ 4-хъ баталіонный составъ. Баталіоны получили номера: 1, 2, 3 и 4; роты съ 1-й по 4-ю гренадерскія и съ 1-й по 12-ю мушкатерскія. Собственно 1-й и 2-й баталіоны составили коренные Рязанцы и командирами ихъ остались 1-го подполковникъ Притопоновъ, 2-го маіоръ Бехте; 3-й и 4-й баталіоны были изъ бывшихъ егерей съ ихъ же штабъ-офицерами, 3-го баталіона подполковникъ Бѣленченко и 4-го

подполковникъ Сергѣевъ. Та же самая традиція сохранялась и по ротамъ.²¹ Полковники Ганкевичъ и Ермоловъ, бывшіе, какъ значилось въ спискахъ, командиры Рязанскаго и 29 Егерскаго полковъ, числились въ 1-й гренадерской ротѣ, а послѣдній въ 3-й гренадерской.-

Впрочемъ, аномалія эта не долго продолжалась. Полковникъ Ганкевичъ 12 іюля, а Ермоловъ 4-го вызваны были въ С.-Петербургъ по Высочайшему повелѣнію для полученія назначенія. Не скоро, однако, вышло назначеніе. Полковникъ Ермоловъ получилъ Брестскій пѣхот. полкъ 26 февраля 1834 года. Полковникъ Ганкевичъ былъ назначенъ командиромъ Подольскаго Егерскаго полка 7-го апрѣля 1835 года.

Вновь сформированнымъ изъ Егерей 3-му, 4-му и резервному (6-му) баталіонамъ, какъ не имѣвшимъ знаменъ, таковыя пожалованы были 12 мая (1833 года), тогда же присвоено имъ отличіе бывшего 29-го Егерскаго полка: знаки на кивера съ надписью «за отличіе.»

Закончивъ переформированіе, полкъ на работахъ въ Звенигородскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, Московской губерніи, расположился: штабъ и 1-й баталіонъ въ с. Пятницѣ, 2-й бат. въ с. Бережкахъ. 3-й въ деревнѣ Похлебайкѣ и 4-й въ дер. Кривцовѣ.²²

Заботы, связанныя съ новой организаціей, во многомъ отвлекали въ этомъ году вниманіе начальства отъ обычныхъ занятій. Раздѣлавшись кое-какъ съ установленной на лѣто программой государственныхъ работъ, полкъ въ концѣ сентября выступилъ на зимнія квартиры.

Въ квартирномъ распisanіи на этотъ разъ тоже ожидала Рязанцевъ большая переменна. вмѣсто насиженныхъ мѣстъ въ Каширѣ и окрестностяхъ полкъ на зиму 1833—1834 г.г. сталъ: штабъ въ г. Туль, 1-й баталіонъ въ Судневѣ, 2-й—въ с. Бѣликовѣ, 3- и 4-й въ г. Алексинѣ.

Въ такомъ расположеніи полкъ оставался до весны, когда впервыя баталіоны его стянулись на тѣсный сборъ въ городъ Тулу. Одинъ только 4-й баталіонъ почему то направленъ былъ въ село Тарутино, Московской губерніи; вѣрнѣе всего на экзекуцію. Государ-

ственныхъ работъ въ 1834 году не предполагалось. Полкъ, окончивъ тѣсныя сборы у города Тулы, пошелъ въ Москву и, присоединивъ къ себѣ по пути въ городѣ Подольскѣ 4-й баталіонъ, сталъ къ 1-му августа лагеремъ на Ходынскомъ полѣ.

Не выходя изъ рамокъ обыденныхъ мирныхъ занятій, хроника полковой жизни за 1834 обогатилась, однако, двумя, огромнаго значенія, правительственными актами.

Первымъ изъ нихъ былъ Высочайшій указъ, опредѣляющій старшинство полковъ русской арміи по времени сформированія ихъ: туда же, конечно, вошли и хронологическія данныя, касающіеся самаго порядка формировація. Необходимость упорядочить, привести въ систему историческія справки, касающіяся полковъ славной русской арміи, была давно уже, безспорно, крайне настоятельна. Но мало этого, съ принятіемъ отнынѣ для знаменъ скобъ и юбилейныхъ лентъ для армій—Александровскихъ, для гвардій—Андреевскихъ и съ обозначеніемъ на нихъ историческихъ свѣдѣній, необходимость эта принимала высоконравственное воспитательное значеніе, въ чемъ, по свидѣтельству лучшихъ нашихъ начальниковъ, крѣпко нуждалась русская армія въ разсматриваемый періодъ времени.

При болѣе нежели плачевномъ состояніи нашихъ архивовъ и русской военной исторіи вообще, при недостаткѣ соотвѣственно подготовленныхъ людей, затѣянное дѣло было не изъ легкихъ. Оно требовало огромнаго труда, труда нѣсколькихъ лѣтъ и не одного лица. Къ несчастью, однако, за трудъ этотъ принялись шаблонно, съ достойнымъ сожалѣніемъ, ежели не сказать болѣе, легкомысліемъ, вообще характеризующимъ данную эпоху. Еще при опредѣленіи старшинства первыхъ полковъ въ арміи дѣло наладилось кое-какъ удовлетворительно. Имѣя въ виду, что ноябрьскаго указа 1699 года о наборѣ новыхъ солдатскихъ пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ въ подлинникѣ не сохранилось, повелѣно было, и весьма справедливо, считать днемъ учрежденія ихъ 25-го іюня 1700 года, когда полки эти были готовы къ походу. Перейдя затѣмъ къ дальнѣйшимъ, дѣйствительно запутаннымъ формироваціямъ, порѣшили, какъ Богъ на душу положитъ, лишь бы выполнить приказъ, поднести готовую справку, зная напередъ, что никто опровергать не будетъ. До какой степени

вся работа ведена была спѣшно, свидѣтельствуемъ то обстоятельство, что такой важный документъ въ отношеніи Рязанскаго полка, — его полковая книга и списки офицеровъ, не принимались во вниманіе. О какомъ либо сопоставленіи документовъ, критической ихъ оцѣнкѣ не могло быть и рѣчи — приказано вѣрить на слово. Въ результатѣ получилось и на знаменахъ увѣковѣчено: Рязанскій полкъ, бывший Ланга, потомъ Равенштейна, сформированъ изъ рекрутъ въ декабрѣ 1703 года, бояриномъ Стрѣшневымъ. «Днемъ сформированія повелѣно считать 6-е декабря, день тезоименитства царствующаго Императора Николая I-го.»

Мы теперь знаемъ, насколько эти свѣдѣнія выдерживаютъ оцѣнку съ точки зрѣнія исторіи. Но относясь къ нимъ столь критически, не будемъ забывать, однако, что даже въ позднѣйшія, совсѣмъ близкія намъ времена, когда русская военная наука, казалось бы, достаточно обрѣла, создавались историческія справки не лучшихъ достоинствъ. Что полкъ молчалъ — это не удивительно; свѣдѣнія его о прошломъ, родной части не шли дальше Реймскаго сраженія, да и то въ искаженномъ видѣ.

Другимъ важнымъ распоряженіемъ въ 1834 году надлежитъ считать Высочайшій указъ 30 августа объ увольненіи нижнихъ чиновъ въ безсрочные отпуска и сокращеніе сроковъ службы.

Сильно озабочиваясь необходимостью имѣть въ населеніи обученный запасъ людей для нуждъ военного времени, беря въ томъ примѣръ изъ иностранныхъ армій, наше военное министерство рѣшилось, наконецъ, на незначительную уступку. Срокъ службы съ 25 лѣтъ повелѣно сократить: для музыкантовъ, солдатъ изъ евреевъ и солдатскихъ дѣтей до 20 лѣтъ; для всѣхъ строевыхъ и пѣхотныхъ нестроевыхъ до 15 лѣтъ дѣйствительной службы подъ знаменами, все же остальное время, до истеченія 25 лѣтъ полной службы, нижніе чины числились въ безсрочномъ отпуску.

Уволенные въ безсрочный отпускъ, за 15 лѣтъ собирались ежегодно къ 1 сентября на мѣсяцъ для учебныхъ занятій, а прослужившіе 20 лѣтъ отъ учебныхъ сборовъ освобождались.

Подобная мѣра создавала нѣчто въ родѣ запаса арміи и вызвала нѣкоторые измѣненія въ организациі резервныхъ баталіоновъ. Такъ

замѣтимъ, что хотя законъ 1833 года опредѣлялъ на полкъ 2 резервныхъ баталіона, которымъ и присвоили № № 5-й и 6-й, но на самомъ дѣлѣ они никогда до полныхъ штатовъ не достигали. Считаясь вначалѣ сводно-резервнымъ, баталіонъ этотъ постепенно терялъ такое наименованіе и въ концѣ концовъ во всѣхъ официальныхъ документахъ 1833—1834 гг. прямо именуется по старому 3-мъ резервнымъ баталіономъ при существующихъ въ полку 4-хъ дѣйствующихъ баталіонахъ.²³

Въ 1834 году въ маѣ, встрѣчаемъ 3-й резервный баталіонъ на работахъ въ округѣ Екатеринославскаго Кирасирскаго полка, расположеннымъ бивакомъ близъ слободы Ново-Екатеринославѣ. Но это были, такъ сказать, послѣднія работы въ поселеніяхъ, отвлекающія баталіонъ отъ его прямого назначенія.

Съ изданіемъ новаго закона, болѣе обстоятельно регламентирующаго роль резервовъ въ мирное время, храненіе складовъ оружія, обмундированія и обученіе безрочно отпускныхъ во время призывовъ, измѣнилась служебная дѣятельность баталіона и мѣсто его стоянки.

Изъ южныхъ военныхъ поселеній, резервный баталіонъ выступилъ 1 октября 1834 года и 26 числа занялъ постоянныя, указанныя ему квартиры въ Нижегородской губерніи, Арзамаскомъ уѣздѣ:

штабъ и нестроевая рота въ селѣ Черлухѣ.

5 гренадер. рота въ с. Никольское,

13 мушкатер. рота въ с. Мотовиловка,

14 „ „ с. Крутой Мойданъ,

15 „ „ с. Вода.

Здѣсь баталіонъ окончательно устроился; принялъ № 5-го резервнаго и вмѣстѣ съ прочими резервными баталіонами дивизіи составилъ резервную ея бригаду.²⁴ Резервныя бригады отъ трехъ дивизій корпуса формировали резервную дивизію того же корпуса. Инспекторомъ надъ всѣми войсками резервной пѣхоты назначенъ нашъ славный бывшій командиръ полка, а теперь уже генералъ-лейтенантъ, И. Н. Скобелевъ.

Съ 1835 года жизнь и служба 5-го резервнаго баталіона Рязанскаго полка потекла нормально.

Имѣя свои постоянныя благоустроенныя квартиры, 5-й баталіонъ възрѣдка оставлялъ ихъ по дѣйствительной надобности то для содержанія карауловъ при дивизионной квартирѣ въ Нижнемъ - Новгородѣ, то для смотровъ инспектирующаго, происходившихъ обыкновенно въ г. Арзамасѣ.

Съ того же 1835 года начинается обмѣнъ нижнихъ чиновъ между резервными и дѣйствующими баталіонами. Такъ, въ іюнѣ изъ полка впервые переведено въ баталіонъ прослужившихъ 15 и болѣе лѣтъ нижнихъ чиновъ 267 челов., а изъ баталіона въ полкъ убыло нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 13 лѣтъ, 123 человѣка.²⁵ Подобной передачей нижнихъ чиновъ только и поддерживалась связь между полкомъ и его резервнымъ баталіономъ, во всемъ же остальномъ жизни ихъ пошла различными дорогами.

Изъ лагеря на Ходынскомъ полѣ въ 1834 году выступили Рязанцы въ половинѣ сентября, направляя маршъ свой къ западнымъ границамъ, гдѣ въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ отведены были полку квартиры. Къ 1 ноября штабъ размѣстился въ селѣ Троицкомъ, Смоленской губерніи, Рославльскаго уѣзда; баталіоны стали: 1-й въ с. Кузьмищевѣ, 2-й въ Грѣзандовѣ, 3-й въ с. Розжедино, а 4-й въ мѣстечкѣ Хотиловскомъ.²⁶ На лѣто 1835 года полкъ опять потянулся къ Москвѣ для занятія карауловъ и, какъ это не разъ уже бывало, расположился въ Хамовническихъ казармахъ. Въ Москвѣ служебныя требованія измѣнились нѣсколько вслѣдствіе большихъ перемѣнъ въ высшемъ командномъ составѣ. Въ эту перу послѣдовало частное измѣненіе въ нумераціи корпусовъ и дивизій. Наша 15-я дивизія получила № 18, бывшая же 26-я пѣхотная дивизія, переименованная въ 1833 году въ 18-ю, теперь получила № 15-й;²⁷ затѣмъ Рязанцы причислены къ 6-му пѣхотному корпусу г. а. Нейдгарта, составленному изъ 16, 17 и 18 пѣхотныхъ дивизій; 18 дивизию принялъ г. л. Чебышевъ.

Въ томъ же 1835 году штатъ полка по мирному положенію убавленъ на 200 ч., а нестроевая рота и нестроевыя отдѣленія, оставаясь при своихъ баталіонахъ, вмѣстѣ съ нестроевыми ротами и отдѣленіями трехъ другихъ полковъ дивизиі составили фурштадскій баталіонъ 17 пѣхотной дивизиі. Баталіонъ этотъ вошелъ въ

составъ 6-й фуришадской бригады, состоящей при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Безпрестанныя и мелочныя организаціонныя измѣненія, причиняя много хлопотъ, никакихъ осязательныхъ слѣдовъ не оставляли. Они свидѣтельствуютъ лишь о затруднительномъ положеніи военного министерства, которое, стремясь, быть можетъ, создать цѣльную систему рядомъ полумѣръ, не почерпая въ богатомъ національномъ прошломъ животворящаго духа реформамъ, погружало въ хаосъ святое дѣло обороны Россіи. Не легкая задача выпала на долю строевого начальства въ этотъ періодъ формировавіи и выдѣленія частей, которыми такъ обильны тридцатые годы 19-го столѣтія. Вся тяжесть ихъ у насъ легла на командирѣ полковникѣ Даровскомъ.

Прошлая служба, равно и подробности продолжительнаго одиннадцатилѣтняго командовавія полкомъ Ивана Антоновича Даровскаго мало извѣстны. Судя по лестному для полковника Даровскаго назначенію способствовать успѣху введенія новаго положенія объ устройствѣ армейской пѣхоты, это былъ типъ безукоризненнаго, по тогдашнимъ требованіямъ, служака. О строгости его, взыскательности по службѣ долго, очень долго жили преданія въ полку. Несомнѣнно, какъ въ этомъ мы и убѣдимся, нѣсколько запущенное въ полку дѣло муштровки доведено было полковникомъ Даровскимъ до блестящаго состоянія. Какими способами оно достиглось, остается вопросомъ открытымъ, но пельзя не остановиться на слѣдующемъ обстоятельстве. Въ 1835 году въ полку умерло 113 чел., бѣжало 120. Огромная цифра смертности (338 ч.) и бѣжавшихъ (435 ч.) за 1836 годъ въ дивизіи, въ особенности же въ Рязанскомъ полку, обратила, наконецъ, вниманіе Государя Императора, который «позволилъ строго замѣтить это ближайшему начальству, а за бѣжавшихъ сдѣлать строгій выговоръ,» каковой во исполненіе Монаршей воли и былъ объявленъ полковнику Даровскому.²⁸ Правда, по процентному содержанію смертности и побѣговъ полки дивизіи не многимъ отличались одинъ отъ другаго, условія квартировавія и частью передвиженія во всякое время года тоже играли не послѣднюю роль, однако были же причины, почему бѣда главнымъ образомъ свалилась на голову одного лишь нашего командира.

Нарядъ Московскихъ карауловъ въ 1835 году затянулся довольно долго; только въ послѣднихъ числахъ ноября оставили Рязанцы Первопрестольную и, для кратковременнаго относительно отдыха, расположились въ Рязанской губерніи: штабъ въ г. Сапожкѣ, 1-й баталіонъ въ Ряжскѣ, 2-й и 4-й въ с. с. Путятинѣ, Большомъ Ухоловѣ и дер. Мощанцахъ и 3-й баталіонъ въ с. Борцѣ.²⁹

Лѣто 1836 года провелъ полкъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, на работахъ по устройству государственныхъ шоссейныхъ дорогъ, а на зиму вернулся опять на прежнія квартиры въ Рязанскую губернію. Какъ новинку, введенную г. л. Чебышевымъ, отмѣтимъ учрежденіе конныхъ постовъ отъ зимнихъ полковыхъ квартиръ до штаба дивизіи.

Часто упоминая о производствѣ государственныхъ работъ, мы за недостаткомъ положительныхъ данныхъ почти что не касались весьма интереснаго вопроса о заработныхъ деньгахъ, расходованіи ихъ и порядкѣ храненія.

1836 годъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя свѣдѣнія. Такъ, между прочимъ, видно, что остатокъ отъ продовольствія заработанной полкомъ въ 1836 году суммы составлялъ 26467 руб. 7 коп., которые приказано причислить къ ротнымъ экономическимъ деньгамъ.

Выясняется также, что въ 1834 году г. л. Муравьевъ (Барскій), одинъ изъ виднѣйшихъ нашихъ генераловъ, производя смотръ полкамъ дивизіи, нашелъ огромныя злоупотребленія въ расходованіи заработныхъ денегъ и даже въ растратѣ. Теперь г. л. Чебышевъ приказалъ завести особыя прихода-расходныя книги, «нижнимъ же чинамъ сколько имъ слѣдуетъ и какой расходъ, давать должную и ясную гласность,» говорилось въ приказѣ.³⁰

Достигло ли это распоряженіе цѣли, думать можно двояко; но во всякомъ случаѣ, слава Богу, что высшее начальство обратило, наконецъ, вниманіе на важное дѣло солдатскаго труда, съ которымъ въ то время связывался не одинъ вопросъ о благоустройствѣ войскъ арміи.

1837 годъ въ самомъ началѣ принесъ новую крайне болѣзненную для полка операцію. На основаніи Высочайше утвержденного

30 ноября прошлаго года положенія приказано отдѣлить отъ полка на укомплектованіе 1-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ 3-ю, 6-ю и 12-ю мушкатерскія роты, а замѣнить ихъ сформировать новыя. Въ общемъ, не говоря уже о нравственномъ надломленіи, полкъ ослаблялся на 40 унтеръ-офицеровъ, 17 музыкантовъ, 654 рядовыхъ и 4 нестроевыхъ. Видно, большой чувствовался недостатокъ въ запасѣ обученныхъ людей, а принятая система резервовъ не удовлетворяла потребностямъ даже мирнаго времени. Для отправления выдѣляемыхъ ротъ, при дивизионной квартирѣ въ Рязани, формировались маршевые баталіоны: въ 1-й корпусъ 3-й маршевой бат. изъ 3 ротъ всѣхъ 4-хъ полковъ дивизіи; въ 4-й корпусъ 12-й маршевый баталіонъ изъ 6-й, 9-й и 12-й ротъ Рязанскаго полка, подъ командою капитана Савойскаго-Езулевскаго, нашего же полка капитанъ Бочковъ командовалъ 13 маршевымъ баталіономъ, составленнымъ изъ ротъ Рязскаго полка. Маршевые баталіоны формировали общую маршевую колонну въ вѣдѣніи Тульского Егерскаго полка подполковника Занольскаго, которая тронулась по назначенію 28 января.³¹ По сохранившимся въ полку свѣдѣніямъ къ формированію новыхъ ротъ было приступлено немедленно и закончено 12 іюня. Но съ такими данными трудно согласиться; для новыхъ формированій не доставало людей. Лишь въ августѣ мѣсяцѣ, числа 24-го, въ полкъ разными партіями прибыло рекрутъ 336 человекъ, потомъ еще въ сентябрѣ 392. Но изъ рекрутъ новыя части создаваться не могли,—резервная же бригада 18 пѣхотной дивизіи доставила въ томъ же сентябрѣ въ общей сложности 339 человекъ, да изъ 5-го баталіона Азовскаго полка прибыло 32 ч. рядовыхъ,³² — всё люди, какъ извѣстно, высланные на замѣну, согласно правилъ о безсрочныхъ отпускахъ. Вѣроятно же всего, что убывшія роты создавались постепенно, ни какъ не ранѣе конца 1837 года и сначала въ уменьшенномъ кадровомъ составѣ.

Ушли ли съ оставившими полкъ ротами и числящіеся въ нихъ офицеры—тоже неизвѣстно. Недостатокъ въ толковыхъ офицерахъ былъ весьма ощутителенъ. Какъ образчикъ тогдашнихъ условій производства—передъ нами результаты офицерскихъ экзаменовъ, произведенныхъ начальникомъ дивизіи, вскорѣ послѣ отправления маршевыхъ баталіоновъ.

«Произведя экзаменъ юнкерамъ, подпоручикамъ и вольноопре-

дѣляющимся, удостоеннымъ къ производству отъ Рязанскаго полка въ офицеры, пишетъ въ своемъ отчетѣ г. л. Чебышевъ,³³ я нашелъ нѣкоторыхъ не только слабыхъ по фронту, но мало знающими россійскую грамоту, а въ правилахъ ариѳметики первой части они сами сознались неумѣющими.» Обратитъ особое вниманіе на дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, рекомендуетъ начальство, «ибо безъ знанія службы и грамоты нельзя удостоиться производству.» Таковы были печальныя времена. Послѣ этого весьма странно звучитъ предписаніе довести бригаднымъ командирамъ, нѣтъ ли въ полкахъ офицеровъ, желающихъ поступить въ открывающуюся въ С.-Петербургѣ академію.³⁴ Офицерскими испытаніями открылся цѣлый рядъ смотровъ, которыми особенно богатъ 1837 годъ.

Первымъ въ концѣ февраля смотрѣлъ полкъ начальникъ штаба 6-го корпуса г. м. Лукашъ. Давно уже Рязанцы не достаивались такого лестнаго отзыва.

«Одежда и амуниція въ отличномъ видѣ, свидѣтельствовалъ инспектирующій,³⁵ исключая перевязей и портупей, конхъ строчки и пригонка требуютъ исправленія.

Выправка людей очень хороша.

На церемоніальномъ маршѣ шагъ полный и правильный, но держаніе ружей еще не уравнено.

Подъемныя лошади очень хороши. Лазаретныя вещи въ совершенномъ порядкѣ.

Унтеръ-офицеры и ефрейтора знаютъ свое дѣло очень хорошо.» Труды полковника Даровскаго не пропали, значить, даромъ. Ранней весною дивизія раздѣлилась: 1-я бригада перешла въ Москву для содержанія карауловъ, 2-я на постройку Ярославскаго шоссе. Въ Москвѣ, 30 апрѣля, чуть ли не прямо съ похода, осмотрѣлъ полкъ командиръ корпуса г. а. Нейдгардъ. На этотъ разъ не посчастливилось Рязанцамъ, хотя, если принять во вниманіе недантичность начальства, замѣчанія не были очень существенны.³⁶

«Въ 1-й ротѣ много ружей не отбивали, даже у одного унтеръ-офицера.

Во 2-й ротѣ къ пальбѣ тихо поднимали ружье.

Въ 2-й гренадерской—ружейные приемы не тверды.

Въ 4-й ротѣ поручикъ Пересѣтовъ не могъ перекликать людей.

5-я рота имѣеть правильную стойку, но у нѣкоторыхъ ружей огня мало.

8-я рота слабѣе прочихъ, а офицеръ Мокѣевъ одѣтъ не по формѣ. 1-я гренадерская рота слабѣе прочихъ гренадерскихъ.»

Въ заключеніе: «баталіонные командиры вовсе не знаютъ своего дѣла и не наметаны, какъ слѣдуетъ. Офицеры неправильно маршируютъ.»

Ради устраненія замѣченныхъ неправильностей принимались нечеловѣческія усилія и, кажется, не безъ успѣха—по крайней мѣрѣ на слѣдующихъ смотрахъ ихъ вовсе не встрѣчаемъ, за то офицерамъ приходилось довольно таки туговато. Такъ, 27 мая на разводномъ ученіи отъ 3-го баталіона въ присутствіи корпуснаго командира надъ маіоромъ Эттингеномъ стряслась большая бѣда: за вялость въ ружейныхъ приѣмахъ этому штабъ-офицеру приказано сдать баталіонъ капитану Ляпунову, «извѣстному усердіемъ и знающему офицеру,» какъ отмѣчено въ приказѣ.

Но и капитанъ Ляпуновъ не долго тѣшился своимъ повыше-ніемъ. 9 іюля г. л. Нейдгардъ произвелъ ученіе полку, нашелъ, что застрѣльщики 2-го (подполк. Ковалевскаго) и 3-го баталіоновъ не знаютъ дѣла, «ибо при вызовѣ ихъ два раза изъ середины колонны, они не могли выйти должнымъ порядкомъ.» Капитану Ляпунову на первый разъ объявленъ строжайшій выговоръ.³⁷

Несмотря на подобныя приключенія, авторитетъ командира полка стоялъ чрезвычайно высоко и лично Иванъ Антоновичъ пользовался неизмѣнной симпатіей строгаго г. а. Нейдгарда. Современные приказы переполнены выраженіями благодарности полковнику Даровскому за умѣлое, заботливое командованіе полкомъ.

Такъ однообразно текла жизнь Рязанцевъ въ разсматриваемый періодъ. На зиму полкъ перешелъ въ Рязанскую губернію, а тамъ опять стоянка въ Москвѣ съ ея караулами, разводами и ученіями. За то 1839 годъ ознаменовался крупнымъ, мирно-историческимъ событіемъ: открытіемъ памятника на полѣ Бородинскаго сраженія.

Въ торжествѣ этомъ Рязанскій полкъ съ И. А. Даровскимъ во главѣ принялъ самое дѣятельное участіе и оно то несомнѣнно составляетъ самый выдающійся моментъ его командованія.

Мысль о сборѣ войскъ на поля Бородино и открытіи тамъ па-

мятника давно уже занимала Императора Николая I. Высоко-патриотическое желаніе увѣковѣчить преданія о доблестныхъ подвигахъ русской арміи, при защитѣ отечества противъ нашествія Наполеона, должно было исполниться въ 1839 г. Сооруженный съ этой цѣлью памятникъ надлежало открыть съ особенною торжественностью, почему рѣшено было на Бородинскія поля стянуть возможно большее количество войскъ.³⁸ Естественно, что 6-й корпусъ, который по своему расквартированію въ теченіе многихъ лѣтъ приобрѣлъ даже наименованіе Московскаго, долженъ былъ принять участіе въ торжествахъ. Начиная уже съ 1838 года, въ полку шли приготовленія. Какому то штабному умнику приказано было для этого случая сочинить солдатскую пѣсню. И вотъ онъ сочинилъ, поддѣлываясь подъ «тихий учебный шагъ въ три приема,» солдатскую пѣсню, начинавшуюся куплетомъ: «Что не соколы крылаты, чья солнышка восходъ, Бѣлаго Царя солдаты собираются въ походъ.»³⁹ Какой то капельмейстеръ, изъ чеховъ положилъ ее на музыку, смахивавшую на «Кде домувъ муѣ», расписалъ ее на голоса и пѣсня разослана въ полки, со строгимъ приказаніемъ, чтобы ротные пѣсенники выучили ее наизусть. И надоѣла же эта пѣсня. Бывало, по цѣлымъ днямъ кучки пѣсенниковъ зубрятъ подъ аккомпанементъ горниста эту пѣсню и никакъ не могутъ усвоить ее, во-первыхъ потому, что пѣсня очень длинна и слова ея никакъ не улегались на солдатскомъ языкѣ, и во вторыхъ, что голосъ ея не лѣзъ въ русское солдатское горло. Но чего не сдѣлаетъ солдатъ за царское спасибо. Выучили солдатки эту заморскую пѣсню.

Подъ Бородино отъ всѣхъ полковъ наряжались рабочіе къ Бородинскому памятнику, построенному на Семеновскомъ редутѣ, для нивелировки и очистки мѣстности вокругъ него. Швардинскій редутъ, «батарея Раевского», Тучковъ женскій монастырь и прочія историческія мѣстности находятся донинѣ недалеко отъ монумента. Чтобы дать понятіе о многосложности производимыхъ войсками работъ,⁴⁰ достаточно сказать, что для уравниенія мѣстности потребовалось очистить и углубить до 700 колодцевъ въ селеніяхъ для кавалеріи, возвести особый временный госпиталь на 3000 человѣкъ, близъ города Можайска, перестроить главную часть домовъ въ с. Бородинѣ, устроить временныя помѣщенія для имѣющихъ прибыть

къ торжеству, въ числѣ болѣе 200 человекъ, ветерановъ 1812 год и, наконецъ, устроить въ центрѣ расположенія войскъ съ крытымъ лавками базаръ для подвоза необходимыхъ жизненныхъ потребностей и возвести небольшой временный театръ. Несмотря на краткость срока, все эти работы успѣшно приведены были въ исполненіе, конечно, съ большими усиліями со стороны войскъ. На бѣду солдатъ нашихъ разстраивала дизентерія и кровавые поносы отъ непривычнаго употребленія мѣстной воды. Большой благодѣтельницей для больныхъ была княгиня Друцкая съ мужемъ, которая ежедневно пріѣзжала въ лазаретъ и привозила чай, сахаръ, вино и т. п. Княгиня была изящная красавица, равно какъ и мужъ ея. Больные смотрѣли на этихъ благодѣтелей съ какимъ то особеннымъ благоговѣніемъ. Итакъ, бывало, счастливъ солдатъ, если ему удалось поцѣловать руку княгини. Чуть не на недѣлю хвастается этимъ счастьемъ. «Братъ, ручку княгини удостоился я поцѣловать нынѣ,» говоритъ больной посетившему ему товарищу. — «Врешь, возражаетъ здоровый, съ какой стати княгиня позволитъ тебѣ цѣловать свою руку?» — «То то и есть, что не вру. Положила ручку мнѣ на лобъ, а я переложилъ ее себѣ на губы. Да ручка то, братъ, советъ не человѣчья, перо лебединое, — камфетка сахарная.»

Въ послѣднихъ числахъ іюля начали постепенно прибывать изъ различныхъ мѣстъ войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ начался пріѣздъ высшихъ лицъ, приглашенныхъ Государемъ. Тутъ то молодымъ Рязанцамъ пришлось увидѣть безсмертныхъ героевъ Бородина: фельдмаршала Паскевича, генераловъ: Ермолова, кн. Горчакова, графа Толя, кн. Воронцова, принца Евгенія Виртенбергскаго, кн. Голицына, Шаховскаго и другихъ лицъ, состоящихъ въ менѣе высокихъ чинахъ. Изъ иностранныхъ гостей былъ австрійскій эрцгерцогъ Альбрехтъ и два принца Прусскій и Нидерландскій. Самъ Государь прибылъ къ 16 числу августа и не пожелалъ имѣть другого помѣщенія, какъ въ палаткѣ, на флангѣ Преображенскаго баталіона, въ лагерѣ гвардейскаго отряда, во все время сбора войскъ. Сопутствовали Государю военный министръ, вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба. Такъ какъ до дня открытія памятника осталось еще нѣсколько дней, болѣе недѣли, то послѣ объѣзда лагерей Государемъ, начались ежедневные смотры и упражненія войскъ на особо избранномъ военномъ

полкъ между рѣками Москвой, Колочей и Войной. Всѣ приказанія шли отъ самого Государя и приводились въ исполненіе черезъ кн. Горчакова, назначеннаго начальникомъ штаба войскъ, собранныхъ при Бородино, и при содѣйствіи генерала Берга, въ качествѣ квартирмейстера. Къ этому времени относится слѣдующій случай, приключившійся съ нашимъ корпуснымъ командиромъ г. а. Нейгардомъ.⁴¹ На одномъ изъ ученій, на сдѣланное Государемъ замѣчаніе, Нейгардъ оправдывалъ свои дѣйствія, придавая особый вѣсъ собственному мнѣнію, якобы основанному на военномъ опытѣ, Государь замолкъ, но въ тотъ же день въ разговорѣ съ приближенными лицами, смѣясь, замѣтилъ, что Нейгардъ считаетъ себя не менѣе, какъ вторымъ Фридрихомъ. «Вы увидите, прибавилъ въ заключеніе Государь, какъ на слѣдующемъ ученіи Я собою съ него спѣсь и приведу вопиющій.» И дѣйствительно, въ назначенный день, едва успѣлъ нашъ корпусъ развернуться въ боевой порядокъ, какъ Государь, оставаясь зрителемъ на сторонѣ непріятеля, присылаетъ сказать корпусному командиру, что сильная колонна угрожаетъ нашему правому флангу, а нѣсколько минутъ спустя, подсакиваетъ другой посланный отъ Государя съ извѣстіемъ, что непріятель появился противъ лѣваго фланга и, наконецъ, что онъ съ тылу ведетъ на насъ нападеніе. Можно представить себѣ смущеніе Нейгарда и то смѣшеніе частей войскъ, которое отъ того неизбежно произошло. Тогда Государь велѣлъ ударить отбой и, подозвавъ къ себѣ Нейгарда, строго сказалъ: «извольте, сударь, привести въ порядокъ вашъ корпусъ и приготовить его къ церемониальному маршу.» Съ этой минуты Нейгардъ сдѣлался болѣе осторожнымъ. Наконецъ наступилъ день 26 августа,—годовщина Бородинскаго боя и открытіе памятника. Съ ночи начали выводить полки на позицію вокругъ монумента, гдѣ съ вечера были выставлены уже жалонеры. Мы подходили къ памятнику часа въ 3 утра, когда еще было совершенно темно, а къ 9 часамъ уже всѣ стали на своихъ мѣстахъ. Пріѣхалъ Государь, войска отдали Ему честь. Крики «ура», звуки народнаго гимна слились въ одинъ общій гулъ, огласившій Бородинскія поля. Обѣхавъ войска, Царь скомандовалъ: «къ ногѣ, стоять вольно—оправиться.» Потомъ раздалась команда: «смирно, баталіоны на плечо.» Государь скомандовалъ самъ:—«слушать моей команды.»—«Слушай на краулъ!»

Послѣ этого каждый баталіонный командиръ прочелъ передъ фронтомъ заблаговременно врученный имъ слѣдующій Высочайшій приказъ: «Ребята! передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ подвигахъ вашихъ товарищей. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ за 27 лѣтъ передъ семь, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, ставшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безрасуднаго. Оъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ и мы пошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I-му. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава нашимъ геройскою смертию товарищамъ нашимъ и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей Россіи.» Этотъ собственноручный приказъ Государя произвелъ въ войскахъ большое одушевленіе. Между тѣмъ, изъ приходской церкви села Бородина выступилъ крестный ходъ. Умилительную картину представляло это шествіе духовенства съ иконами и хоругвями къ мѣсту памятника, обруженнаго войсками; у подножія его, внутри рѣшетки, собрались ветераны 1812 года и высшія военныя лица, участвовавшія въ Бородинскомъ боѣ. Государь, сойдя съ лошади, пропустилъ крестный ходъ. Наконецъ, раздалась команда: «слушай на плечо; къ ногѣ; на молитву кивера долой» и началось торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, которое совершалъ митрополитъ Филаретъ.

Послѣ многолѣтія Царствующему дому, Государь скомаандовалъ: «баталіоны на колѣни.» Всѣ ибшія войска вмѣстѣ съ Государемъ преклонили колѣна и превозглашена была «вѣчная память Императору Александру I-му и воинамъ, за Вѣру и Отечество животь свой на полѣ брани положившимъ». При неумолкаемыхъ кликахъ «ура,» громъ пушечной пальбы всей артиллеріи, спала пелена съ памятника и началось его освященіе. По окончаніи церемоніи, приказано было войскамъ сослать ружья, снять ранцы, а Государь началъ принимать ординарцевъ отъ всѣхъ полковъ. Молодецъ къ молодцу подходили, рапортовали, а потомъ отходили въ сторону. Императоръ еще разъ обошелъ ихъ фронтъ и приказалъ имъ растегнуться. Здѣсь то ординарцы отъ Рязанскаго полка были свидѣтелями слѣдующаго

случая, достойнаго быть отмѣченнымъ, какъ характеризующаго Императора Николая I. На одномъ ординарцѣ Бѣлозерскаго полка Государь замѣтилъ грязную рубаху. «Это что? Какъ смѣли представить ко мнѣ ординарца въ черной рубахѣ? Начальникъ дивизіи, Полковой командирь!» Всѣ поблѣднѣли, начиная съ главнокомандующаго и молча съ трепетомъ держали руки подъ козырекъ. Государь продолжалъ высказывать свое неудовольствіе. Вдругъ самъ ординарецъ осмѣлился за себя заступиться и громко произнесъ по-малороссійски: «Рубаха на мини билая, Ваше Императорское Вылычество.» Государь, какъ видно, не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ. Грозно взглянулъ на ординарца и спросилъ: «Что?.. ты смѣешь говорить бѣлая, когда царь говоритъ черная?..» — «Точно такъ В. И. В. рубаха билая, (чистая) я сегодня ее надивъ; вона тилькы синяго холста.» Лицо Государя просвѣтлѣло, Его Величество понялъ, что напрасно гнѣвался и улыбнулся. «А вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ правъ, а не я. Какъ прозываешься?» — «Мыкыта Бугай В. И. В.» — «Молодецъ Бугай, что не боялся Царю сказать правду,» прибавилъ Государь, обращаясь къ Бугаю и одновременно ко всѣмъ окружавшимъ. Все начальство ожило. Много потомъ десятковъ рублей было набросано въ киверъ Бугаю. Торжество завершилось церемональнымъ маршемъ войскъ, во главѣ коихъ ѣхалъ самъ Царь, отдавая пинагой честь воздвигнутому монументу. Погода, какъ нельзя болѣе, благоприятствовала въ этотъ день; солнце яркимъ блескомъ освѣщало это истинно патріотическое, военное торжество, увѣковѣчившее въ позднемъ потомствѣ преданіе о кровавомъ, но славномъ для русскаго оружія боѣ, положившемъ начало гибели Наполеона. Послѣ церемональнаго марша, заслужившаго большое царское спасибо, Государь приказалъ вызвать пѣсенниковъ передъ полки и распустилъ войска. Весело пошли мы домой съ обязательною пѣсню: «Что не соколы крылаты.» 29 августа произведено было подобіе Бородинскаго сраженія, на той части Бородинской позиціи, гдѣ кипѣла наиболѣе уорная борьба въ 1812 году. Для болѣе точнаго изображенія картины боя, еще наканунѣ собраны были жалонеры съ офицерами генеральнаго штаба и самъ Государь, окруженный многочисленной свитой, лично указывалъ мѣста для размѣщенія войскъ, руководствуясь воспоминаніями князя Паскевича, графа Толя и князя Воронцова. Составленная диспозиція указывала

въ подробностяхъ мѣста и дѣйствія каждой части войскъ. На основаніи ея нашъ 6-й корпусъ занималъ деревню Семеновскую, сохранившіяся еще укрѣпленія слѣва и впереди этой деревни и часть дѣса на старой Смоленской дорогѣ. И вотъ опять, случая 27 лѣтъ, стали Рязанцы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отцы ихъ такъ много пролили крови во славу Россіи, но на этотъ разъ для мирнаго торжества. Первые выстрѣлы раздались въ с. Бородино, которое вскорѣ было очищено и все дѣйствія сосредоточились на защитѣ укрѣпленій. Послѣ сильнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня и произведенныхъ кавалеріей атакъ въ промежуткахъ между укрѣпленіями, эти послѣднія были оставлены, равно какъ и д. Семеновская, и вся линія войскъ произвела отступленіе до тѣхъ мѣстъ, гдѣ къ вечеру въ дѣйствительномъ Бородинскомъ сраженіи были отбиты упорныя нападенія Нея, Мюрата, вице-короля и Понятовскаго. Само собою разумѣется, что только гулъ выстрѣловъ и передвиженія войскъ могли представить лишь слабый призракъ боя и дать понятіе о характерѣ мѣстности, гдѣ дралась русская армія въ 1812 году. Самъ Государь, оставаясь на возвышенномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ во время боя, наблюдалъ издалека за всеми дѣйствіями и движеніями войскъ. Всемъ извѣстно, съ какою страстію и увлеченіемъ Императоръ Николай I принималъ вообще участіе въ мирныхъ даже маневрахъ. Здѣсь же, на самомъ полѣ кроваваго боя, военное чувство неволью возбуждалось историческимъ для русскаго сердца воспоминаніемъ и потому не довольствуясь одною обороной, какъ было въ 1812 году, дано Государемъ приказаніе перейти въ общее наступленіе. Для этого весь нашъ 6-й корпусъ быстрымъ движеніемъ впередъ занялъ вновь повинутыя укрѣпленія и часть лѣса, между тѣмъ войска 2-го корпуса овладѣли высотой, гдѣ сооруженъ памятникъ и, перейдя въ бродъ рѣчку Колочу, вступили въ с. Бородино. Въ то же время главная часть кавалеріи со всемъ драгунскимъ корпусомъ была собрана на правомъ флангѣ за р. Колочей, образуя массу значительно превосходящую ту, которую вели Уваровъ и Платовъ въ 1812 году. Государь лично руководилъ дѣйствіями этихъ войскъ и послѣ быстрого общаго движенія къ р. Войгѣ, перешелъ въ бродъ черезъ эту рѣчку весь драгунскій корпусъ, который былъ немедленно спѣшенъ для овладѣнія лѣсомъ въ тылу с. Бородино и затѣмъ вновь посаженный

на коней появился на Смоленскомъ шоссе, на пути предполагаемаго отступленія. Это фланговое кавалерійское движеніе было дѣйствительно красиво и въ отличномъ порядкѣ выполнено. Имъ завершились дѣйствія, и Государь, остановясь на шоссе со всей свитой, приказалъ собрать къ себѣ всѣхъ главныхъ начальниковъ. Въ присутствіи ихъ, дѣлая различныя замѣчанія, Его Величество, между прочимъ, сказалъ, обратясь къ Ермолову, графу Толю и другимъ сподвижникамъ Кутузова въ 1812 году: «не находите ли вы, что еслибы фельдмаршалъ Кутузовъ дѣйствовалъ такъ, какъ мы сегодня, то послѣдствія сраженія были бы иныя?» Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова Государя, хотя по выраженію лицъ вопрошаемыхъ можно было угадать ихъ отрицательное мнѣніе. Вдругъ въ свитѣ Государя послышался одинъ голосъ, довольно внятно произнесшій: «да, Государь забываетъ, что сегодня не было ни ядеръ, ни пуль и главное, что не было противъ Него Наполеона.» Правда эта выражалась изъ устъ генерала Давыдова, стоявшаго вдалькѣ и не думавшаго, конечно, быть услышаннымъ Государемъ. Вслѣдъ за сѣмъ Государь слѣзъ съ лошади и, потребовавъ коляску, уѣхалъ въ лагерь. Окрестности Бородино давно не слышали не только пушечныхъ, но и ружейныхъ выстрѣловъ. Во время маневра перепуганные орудійною пальбою зайцы до того ошалѣли, что сослѣну бросались въ самую середину колоннъ, вѣроятно, ища тамъ прикрытія, солдаты при каждомъ такомъ случаѣ поднимали крикъ и гоготаніе. Государь, узнавъ причину, приказалъ корпуснымъ командирамъ объявить начальникамъ дивизій и командирамъ полковъ, что стыдно допускать, чтобы солдаты кричали и пугались какого-нибудь глунаго зайца. Наконецъ, великій нашъ Царь вспомнилъ и о юнкерахъ и пожелалъ осчастливить ихъ производствомъ въ офицеры. Съ трепетомъ ожидали наши юнкера дня 29 августа, когда у царской ставки должны они были предстать на смотръ Императора. Страхъ увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наканунѣ, 28 августа, юнкера 2-го пѣхотнаго корпуса не только не удостоились производства, но со срамомъ были прогнаны со смотра Государемъ. Рассказываютъ, что, придя къ мѣсту въ страшную жару, они невольно раскисли, а въ особенности правофланговый, какой то нѣжный баринъ. Печальный видъ юнкеровъ, неудачный пріемъ на «караулъ» для встрѣчи Государя такъ раз-

гнѣвали Его, что грозно воскликнуть: «Это что за мерзость. Вонъ это стадо барановъ. Возьми это стадо барановъ, Иванъ Федоровичъ, въ ежевыя рукавицы и выжми изъ нихъ сокъ.» Но, слава Богу, у насъ ничего подобнаго не случилось. Императоръ остался доволенъ юнкерами 6-го корпуса и всѣхъ произвелъ въ офицеры.

31 августа былъ послѣдній смотръ войскамъ, собраннымъ у Бородино. Они были построены на лѣвомъ берегу р. Москвы противъ д. Рахмановой на ровномъ большомъ луку, безвозмездно уступленномъ кн. Друцкой. Государь, не доѣзжая до мѣста смотра, остановился на высотахъ, составляющихъ нагорный берегъ рѣки. Здѣсь Его Величество принялъ рапортъ отъ главнокомандующаго арміей князя Паскевича и въ то же время по данному сигналу всѣ войска взяли на «караулъ» при громкомъ неумолкаемомъ «ура». Видъ стройныхъ рядовъ 120-тысячной арміи, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова великолѣпенъ, а примѣрный порядокъ и правильность въ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія вполне удовлетворили желаніямъ Государя. 2-го сентября, послѣ новаго объѣзда всѣхъ лагерей, причемъ Государь останавливался у каждой дивизіи и благодарилъ войска, Его Величество посѣтилъ обитель Спасо-Богородицкаго монастыря, основаннаго вдовой г. м. Тучкова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ геройской смертью ея мужъ, защищая укрѣпленія впереди д. Семеновской и на слѣдующій день отправился въ Москву, куда вступили и Рязанцы для присутствованія при заложеніи храма Христа Спасителя.

Во время пребыванія полка на Бородинскихъ поляхъ, въ день полкового праздника 22 августа 1839 г. состоялось торжество принятія Высочайше пожалованныхъ 1-му и 2-му баталіонамъ Александровскихъ лентъ въ память болѣе, чѣмъ столѣтняго существованія полка и въ ознаменованіе Высочайшаго Его Величества благоволенія къ храбрымъ російскимъ войскамъ, какъ сказано въ приказѣ.⁴²

Такъ смѣняли мирныя торжества однообразную жизнь Рязанцевъ. Въ слѣдующемъ 1840 году полкъ два раза, 20 марта и 7 мая, выдѣлилъ изъ себя въ полномъ составѣ въ Кавказскій отдѣльный корпусъ недавно сформированныя послѣднія роты баталіоновъ, сначала 3-ю

и 6-ю, въ составѣ 40 унтеръ-офицеровъ, 12 музыкантовъ, 560 рядовыхъ и 6 нестроевыхъ, потомъ 9-ю и 12-ю въ такомъ же числѣ чиновъ.

Упорная борьба съ горцами на Кавказѣ требовала все болѣе и болѣе усилій и выдѣленные изъ полка роты были тамъ первыми вѣстниками удали Рязанскаго штыка, что, спустя 15 лѣтъ, извѣдалъ врагъ и въ Арменіи подъ стѣнами Карса и въ горахъ Дагестана.

Въ полку, между тѣмъ, съ прибытіемъ команды изъ образцоваго полка всю весну шли сравнительно повѣрочныя занятія правилъ одиночнаго ученія и обмундированія. Съ этой цѣлью при штабѣ полка собраны были команды по 1-му оберъ-офицеру отъ баталіона и по 4 унтеръ-офицера и 8 рядовыхъ отъ каждой роты.

Лѣто 1840 года провелъ полкъ въ лагерѣ у села Всесвятскаго подъ Москвою. Тамъ закончено было формированіе новыхъ 3-й, 6-й, 9-й и 12 мушкатерскихъ ротъ, при чемъ приказы того времени обращаютъ вниманіе, чтобы при формированіи уравнивать прикомандированныхъ, больныхъ, рекрутъ послѣдняго набора и отданныхъ въ службу за преступленія, имѣя въ виду, «что вновь формируемыя роты не имѣютъ прочныхъ основаній.»⁴³

Изъ лагеря въ первыхъ числахъ сентября полкъ перешелъ въ Москву въ Спасскія казармы, но только въ составѣ 1, 3 и 4-го баталіоновъ, 2-й же баталіонъ расположился временно въ загородныхъ казармахъ; 1 ноября 2-й и 4-й баталіоны номѣнялись стоянками.

Полковникъ Даровскій съ 1 января 1841 года, за смертью командира 1-й бригады г. м. Бутовскаго I-го, командовалъ бригадою, а мѣсто его занималъ командиръ 2-го баталіона полковникъ Путилянтъ.⁴⁴ Безграничной доброты, какъ видно, былъ нашъ временно командующій полкомъ. Несмотря на всю строгость, царившую въ то время и достигшую апогея въ 40-хъ годахъ, въ нашемъ полку встрѣчаемъ только наистрожайшіе выговоры за такія дѣянія, которыя въ прежнія времена возводились чуть ли не въ преступленія. Въ общемъ жизнь полка ничуть не измѣнилась. Поставленные сравнительно въ болѣе тяжелыя условія съ прочими частями арміи войска 6-го корпуса имѣли одно лишь единственное утѣшеніе—чаще

других лицезрѣть своего обожаемаго Монарха при Его посѣщеніяхъ Москвы. Такъ было въ 1841 году. Но раньше, чѣмъ приступить къ описанію торжественныхъ для полка событій, займемся еще тихою, мирною жизнью его. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія нравственное состояніе чиновъ. «За скрытіе венерической болѣзни и лѣченіе ея домашними средствами, говорится въ приказѣ, рядовымъ Алексѣю Горѣлову и Кузьмѣ Рева опредѣляются наказанія: каждому по 100 лозоновъ.» Далѣе читаемъ, что въ полковой лазаретѣ прибылъ одержимый венерической болѣзью рядовой 8 мушкат. роты Василій Трофимовъ, что доказываетъ малую заботливость командующаго ротою поручика Лулина, несмотря на неоднократные строжайшіе выговоры. Прибытіе въ лазаретъ съ этою же болѣзью сразу 2-хъ рядовыхъ 4 роты, кромѣ строгаго выговора командиру ея штабей-капитану Пересвѣтову, вызвало слѣдующее напоминаніе: «высшее начальство требуетъ безотговорочнаго отчета о причинахъ заболѣванія.» Все это, конечно, должно быть отнесено къ плодамъ просвѣщенія, чему Москва съ ея фабричнымъ населеніемъ доставляла пребогатый матеріалъ. Но не только въ этомъ отношеніи ниж. чины обращали на себя вниманіе. Такъ, подпоручикъ Терскій замѣченъ въ уклоненіи отъ службы «и что всего болѣе въ поступкахъ, лишающихъ добраго имени не только благороднаго, но всякаго человѣка, т. е. въ развратной жизни.» Въ чемъ она заключалась—неизвѣстно, но Терскій, кромѣ строжайшаго выговора, арестованъ былъ на двѣ недѣли съ оговоркой, что въ случаѣ неисправленія «не будетъ аттестованъ по кондуктному списку.»⁴⁵

Къ этому же времени относится первая отмѣтка въ приказахъ о глазной болѣзни. Больныхъ глазами въ полку (грануляція) оказалось 13 человѣкъ, причемъ, по повелѣнію корпуснаго командира, таковыхъ повелѣно было помѣстить отдѣльно отъ здоровыхъ, «не составляя, однако, особыхъ лазаретныхъ отдѣленій и не показывая въ числѣ больныхъ, а имѣть ихъ остаточными.» Къ числу болѣзней, особенно развившихся съ началомъ весны при сырой погодѣ, слѣдуетъ отнести цыngu. Какихъ размѣровъ достигла она,—изъ приказовъ не видно. Извѣстно только, что по приказанію Начальника дивизіи во избѣжаніе заболѣваній людямъ приказано было ежедневно давать завтракъ, состоящій изъ рѣдьки съ квасомъ. Упомянувъ о состояніи

полка въ отношеніи различныхъ болѣзней, необходимо познакомиться съ медицинскимъ его персоналомъ. Извѣстія по этому поводу чрезвычайно скудны и ежели встрѣчаются, то только такія, которыя рисуютъ состояніе медицинской части съ отрицательной стороны. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній приходится и этимъ довольствоваться. Старшій докторъ Московскаго Военнаго Госпиталя сообщилъ корпусному штабъ-доктору Никитину, что рядовые Ипатъ Григорьевъ и Федоръ Томпаковъ доставлены были въ госпиталь, первый въ сильной тифозной горячкѣ, а второй съ большимъ нарывомъ на шеѣ; какъ оказалось впоследствии, больные эти находились 3 недѣли въ полковомъ лазаретѣ, скрываемые полковымъ штабъ-лѣкаремъ Бѣляевымъ. По суточнымъ свѣдѣніямъ Бѣляевъ показывалъ ихъ вновь заболѣвшими при ротахъ, а, отправляя въ госпиталь, въ рапортчикѣ отмѣтилъ названія другихъ болѣзней, съ которыми они будто бы только прибыли въ лазаретъ 2 дня. «За такое умышленное обманываніе начальства», пишетъ командующій полкомъ, Бѣляевъ посаженъ на 7 сутокъ на гаубтвахту. Не такъ посмотрѣлъ на дѣло командиръ корпуса. Бѣляевъ, какъ чиновника неблагонадежнаго, отрѣшилъ отъ должности полкового штабъ-лѣкаря впрямь до особаго распоряженія. За Бѣляева видно хлопотали, такъ какъ во вниманіе къ прежней усердной службѣ его, г.-а. Нейдгардъ измѣнилъ рѣшеніе, назначивъ штабъ-лѣкаря на службу за младшаго лекаря на срокъ по усмотрѣнію корпуснаго доктора. Срокъ этотъ опредѣленъ былъ съ 22 апрѣля по 6 мая. Баталіонный лѣкарь Соколовъ принялъ должность Бѣляева, а послѣдній занялъ его мѣсто. Какъ видно, взысканіе это возымѣло дѣйствіе, такъ какъ Бѣляевъ, вступивъ обратно въ должность, въ тотъ же день донесъ командиру полка, что въ лазаретѣ имъ найдены рядовой 9-й роты Егоръ Мамкинъ, одержимый сильною тифозною горячкою, безъ всякихъ чувствъ, 10-й роты Андрей Петровъ сильнымъ ослабленіемъ всего тѣла, при страданіи легкихъ и 3 роты Михаилъ Суровъ съ потерей силъ при водяной болѣзни, не подающей никакой надежды на выздоровленіе. Картина перемѣнилась, Соколовъ—каликъ на часъ—понесъ всю отвѣтственность. Характеренъ поступокъ Бѣляева, но что важнѣе и интереснѣе, это состояніе нашего полкового лазарета и взглядъ на дѣло медиковъ.

Что касается несенія караульной службы, то не замѣчаемъ ни-

замѣчаемъ никакого измѣненія сравнительно съ извѣстнымъ намъ прошлымъ; тѣ же упущенія и замѣчанія. На ряду съ большой строгостью начальниковъ тоже легкое отношеніе служащихъ. Какъ видно, неупустительное наблюденіе за выполненіемъ буквы устава создавало наружную исправность, но за глазами начальства каждый старался о возможномъ облегченіи себя. Иначе нельзя объяснить напр. поступка прапорщика Воронова, который, находясь въ столицѣ, позволялъ себѣ, возвращаясь съ караула, идти съ трубкой въ рукахъ, имѣя шарфъ надѣтымъ черезъ плечо, а чешую застегнутую вверхъ. ⁴⁶Повѣрка карауловъ, произведенная по приказанію корпуснаго командира, дала такую поразительную картину, что съ трудомъ вѣрится ей. «Въ полкахъ 18 дивизіи, говорится въ приказѣ, найдено, что караульные унтеръ-офицеры снимаютъ съ себя амуницію и вмѣстѣ съ рядовыми растегиваютъ мундиры. Часовые ставятъ къ будкамъ ружья и безъ оныхъ ходятъ по посту.» И подобные приказы помѣщены на ряду съ замѣчаніями, дабы кутасковый узелъ отъ этишкета на киверѣ, когда онъ падаетъ на человѣка, былъ противъ чешуйнаго кружка и что у прапорщика Рукина замѣчены бригаднымъ командиромъ длинныя на головѣ волосы. Не были ли вызываемы столь грустные факты, подобные изложеннымъ выше, неумѣніемъ или нежеланіемъ отличить службу часовыхъ на посту отъ правилъ наденія кутасковаго узла. Не различая проступковъ отъ преступленій, подводя ихъ подъ одну категорію, начальство само производило путаницу, что важно, а что мелочно. Передъ фактами, замѣченными при повѣркѣ несенія службы въ караулѣ, поневолѣ должны ступшеваться проступки въ родѣ того, что прапорщикъ Минятовъ прибылъ къ разводу въ экзерциръ-гаузъ не съ своимъ баталіономъ, а въ моментъ приѣзда командира бригады и что при выходѣ 2-го баталіона изъ казармъ на площадь къ разводу не находились на мѣстахъ поручикъ Кривошеинъ, подпоручики Мѣшаевъ, Груделтовъ, прапорщики Чебышевъ и Петровъ, которые заставили себя ждать, посылать посыльныхъ и, въ концѣ концовъ, за исключеніемъ Кривошеина, прибывшаго къ баталіону, явились только на мѣсто развода, причемъ подпоручикъ Мѣшаевъ оправдывался, что онъ не 2-го баталіона. Одинаково поступилъ и поручикъ Иванчинъ, который, будучи назначенъ въ караулъ, къ оному не прибылъ даже «за всѣми по-

слами и на запросъ о семъ дѣлалъ неучтивыя оговорки, неимѣющія вниманія.»

Изъ современныхъ приказовъ узнаемъ мы также, что 5-му пѣхотному корпусу принадлежали огороды, неизвѣстно только, въ какой мѣстности и какъ великъ былъ участокъ полка. Еще въ январѣ мѣсяцѣ командированы были туда для земледѣльческихъ работъ изъ числа мало или совсѣмъ неспособныхъ нижнихъ чиновъ: 1 унтеръ-офицеръ, 25 рядовыхъ, 1 барабанщикъ и 1 портной. Унтеръ-офицеръ и барабанщикъ назначались по личному усмотрѣнiю командира. Начало работъ въ огородахъ было 1 апрѣля, а конецъ къ 1-му ноября. Между тѣмъ, на послѣдней недѣлѣ великаго поста, 21 марта г. а. Нейдгардъ смотрѣлъ выѣздку штабъ-офицерскихъ и адъютантскихъ лошадей. Лошади оказались дурныя, ковка плохая, «отчего копыта имѣютъ безобразный видъ,» далѣе говорится въ приказѣ, что многія лошади кованы, какъ упряжныя съ шипами, сбруя не одинакова, чепраки неформены, а въ кабурахъ были фальшивыя пистолеты.» Вообще замѣчанія по поводу отступленія отъ формы встрѣчаются довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ приказовъ говорится, что корпусный командиръ замѣтилъ на г.г. офицерахъ не только неформенныя, но даже безобразныя шляпы, что повелѣно провѣрить полковому командиру. Трудно, конечно, что либо положительное сказать о составѣ офицеровъ полка начала 40-хъ годовъ. Уровень образованія былъ не великъ, а средства болѣе, чѣмъ ничтожны.

Пустыя требованія для производства въ офицеры намъ хорошо извѣстны. Въ современномъ приказѣ читаемъ, что унтеръ-офицеры, обязанные большимъ срокомъ службы, Семень Денькинъ и Иванъ Лопаревичъ, а равно Михаилъ Фражновскій, права котораго не были еще выяснены инспекторскимъ департаментомъ Военнаго Министерства, заявили желаніе держать экзаменъ въ офицеры. Для предварительнаго, какъ кажется, испытанія ихъ по программѣ, утвержденной корпуснымъ командиромъ, утверждена была въ полку комиссія изъ маіора Рожковского, поручика Макѣева и прапорщика Минятова.

Въ началу 1841 года слѣдуетъ отнести производство въ унтеръ-офицеры Государемъ Императоромъ, по ходатайству Наслѣдника Цесаревича—командира Гвардейскаго корпуса, рядовыхъ нашего полка,

состоявшихъ въ образцовомъ полку, Андрея Кунду, Канона Цербаненко, Захара Юрковца и Антона Соляръ, за усердную ихъ службу.

Между тѣмъ, 4-го мая прибылъ вновь назначенный командиръ 1-й бригады генераль маіоръ Воронецъ и полковникъ Даровскій вернулись въ полкъ. Время было горячее. Вскорѣ ожидался въ Москву пріѣздъ Государя. По желанію Императора Николая I-го полки 18-й пѣхотной дивизіи, которые готовились уже выступить на государственныя работы, оставлены были въ Москвѣ на все время пребыванія въ ней Его Величества. Для торжественной встрѣчи Императора въ полку покупались и строились новыя вещи. Еще до получения ремонтныхъ денегъ изъ комиссаріатскаго и артиллерійскаго депо полковой казначей поручикъ Филиппевъ выдавалъ въ счетъ ихъ по особому расчету на каждую роту на постройки новыхъ тесачныхъ и штыковыхъ ноженъ и перемѣну старыхъ ремней отъ чешуй. Изъ приложеннаго къ приказу расчета видно, что число людей въ полку, за исключеніемъ находящихся въ образцовомъ полку и музыкантовъ, составляло 2588 человекъ.⁴⁷ Во время пребыванія Государя въ Москвѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ, не исключая и денщиковъ, запрещено было увольнять безъ билета въ городъ. Каждая рота для этой цѣли составила по особой формѣ билеты, которые препровождались въ канцелярію для подписи, а затѣмъ по минованіи въ нихъ надобности туда же для уничтоженія. Ротнымъ командирамъ вмѣнялось въ обязанность каждаго нижняго чина передъ отправленіемъ въ городъ осматривать, чисто и опрятно ли одѣтъ. Когда состоялся пріѣздъ Государя, подробности Его пребыванія и смотры полку — неизвѣстны. Въ полковыхъ приказахъ о такихъ важныхъ вещахъ, какъ видно, не принято было писать. За все это время сохранился только одинъ пунктъ, который гласитъ, что «послѣ высокоторжественной церемоніи, но какой—не извѣстно, подпоручикъ Звѣревъ, прапорщикъ Вознесенскій и прикомандированный Егерскаго В. К. Михаила Павловича полка подпоручикъ Кирѣевскій, не дожидаясь приказанія идти войскамъ въ казармы, ушли изъ своихъ мѣстъ на квартиры.» За таковой безпорядокъ офицерамъ этимъ объявленъ выговоръ. Вотъ что сохранилось за этотъ важный моментъ въ исторіи полка. Вообще полковые приказы того времени очень блѣдны и ограничиваются только или объявленіемъ выговоръ и другихъ наказаній, или же при-

былью и убылью офицеровъ, нижнихъ же чиновъ весьма рѣдко. Единственная книга приказовъ за 1841 годъ, сохранившаяся въ полковомъ архивѣ, даетъ намъ возможность опредѣлить размѣры наряда при занятіи карауловъ въ Москвѣ. Изъ книги этой видно, что въ городской караулъ заступалъ весь полкъ, причемъ каждый баталіонъ занималъ особое отдѣленіе. Число постовъ и число людей, потребное въ караулъ, въ приказахъ не объявлялось; изъ нихъ видно только, какой офицеръ и куда назначается. Такъ 1-ое отдѣленіе карауловъ требовало наряда 11 офицеровъ, 2-е—2 офицеровъ, 3-е—7 офицеровъ, 4-е—9 офицеровъ. Кромѣ того въ полковой караулъ ежедневно 2 офицера: одинъ дежурнымъ по полку, другой въ полковомъ караулѣ. Въ городской караулъ полкъ заступалъ черезъ день, случалось что и черезъ два дня. Нечего и говорить, на сколько была утомительна служба для полка въ Москвѣ. Этимъ, пожалуй, можно объяснить многія упущенія, отмѣченныя выше. Послѣ отъѣзда Императора Николая I изъ Москвы, выступили Рязанцы на работы къ соединительному Вышневолоцкому каналу. Какъ извѣстно, первоначальный срокъ выступления, 14 мая, былъ отмѣненъ, полкъ выступилъ позже и пробылъ на работахъ до 15 сентября, послѣ чего сталъ на зимнія квартиры въ Ярославской губерніи. Въ Москвѣ для занятія карауловъ осталась 17 дивизія.

Въ слѣдующемъ году самымъ важнымъ событіемъ въ жизни полка были организаціонныя работы, связанныя съ новымъ положеніемъ о запасныхъ баталіонахъ.

По вновь изданному закону въ развитіе системы резервовъ положено имѣть на каждый пѣхотный полкъ по одному резервному и одному запасному баталіону, которые формировали, какъ и прежде резервныя дивизіи по одной на корпусъ; существенной разницы между резервными и запасными частями не было, зато составъ однихъ и другихъ ограничивался минимальными кадрами. Въ силу такихъ распоряженій, объявленныхъ 20 и 25 Января 1842 года, изъ 5-го резервнаго баталіона составлены кадры для 5-го резервнаго и 6-го запаснаго баталіоновъ. Весь излишекъ въ составѣ: 1 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ, 152 унтеръ-офицеровъ, 91 музыканта, 1273 рядовыхъ и 118 нестроевыхъ причисленъ былъ къ полку. На из-

лишкъ этотъ, за выдѣленіемъ кадровъ, сложились остатки резервныхъ баталіоновъ полковъ, кромѣ Рязанскаго, еще Староингерманландскаго, Муромскаго и Азовскаго. Добавокъ изъ резерва, замѣтимъ, явился весьма кетати, такъ какъ немного раньше Рязанцы опять выдѣлили цѣликомъ одну роту въ Навагинскій пѣхотный полкъ для сформированія его резервнаго баталіона.

Въ 1843 году служебная дѣятельность полка переносится въ Орловскую губернію.

Расположившись къ 15 апрѣля по квартирамъ въ окрестностяхъ города Мценска, Рязанцы въ 20 числа того же мѣсяца стали на работы по постройкѣ Государственнаго шоссе.

«Съ прибытіемъ нынѣ на работы, читаемъ въ приказѣ по дивизіи,⁴⁸ дать отдыхъ на 4 дня; ученіемъ заниматься обыкновеннымъ порядкомъ.» Далѣе встрѣчаемъ большую новость: «устроить при ротныхъ дворахъ валы и мишени для стрѣльбы, а при полковыхъ штабахъ сдѣлать таковыя въ большихъ размѣрахъ.» На работы выводилъ полкъ не болѣе $\frac{1}{4}$ наличнаго состава, не раздробляя при этомъ строевыхъ частей ротъ и баталіоновъ. Люди размѣщены были въ лагеряхъ по участкамъ дежурными, по которымъ назначались ротные командиры.

Сношенія съ дивизіонной квартирой въ Орлѣ поддерживалъ полкъ летучей почтой, смѣняемой на постахъ черезъ каждыя двѣ недѣли.

Современные приказы сохранили намъ раскладку на довольствіе въ періодъ вольныхъ работъ. Расчитанная на 150 человекъ, при отпускѣ около 13 золотниковъ мяса на cadaго, раскладка не отличалась изобиліемъ и питательностью продуктовъ.⁴⁹ Недостатокъ коренного отпуска возмѣщался, конечно, тѣснымъ общеніемъ нижнихъ чиновъ съ жителями. На этомъ построены были многіе расчеты начальства.

Съ іюля мѣсяца, 2 и 3 числа, полку произведенъ инспекторскій смотръ, а тамъ Рязанцы опять потянулись къ Москвѣ для занятія карауловъ. Въ предстоящемъ походѣ солдатокъ и другія тяжести предписывало начальство направить отдѣльно по ближайшему тракту на Бѣлевъ и Калугу, «а если нельзя, указывалъ приказъ по ди-

визіи,⁵⁰ то составитъ изъ этого чернаго обоза вагенбургъ общій.» По прибытіи въ Москву полкъ еще разъ 7 октября, согласно Высочайшей волѣ, выслалъ на пополненіе Кавказскаго корпуса 52 унтеръ-офицера, 25 музыкантовъ и 720 рядовыхъ.

Такая значительная убыль вскорѣ, однако, была пополнена въ теченіе января и февраля 1844 года зачисленіемъ рекрутъ, сначала Тульской губерніи 462 ч., а потомъ разныхъ губерній и Царства Польскаго—138 челов.⁵¹ Въ томъ же 1844 году полковникъ Даровскій, произведенный въ генералъ-маіоры, сдалъ 15 апрѣля полкъ полковнику Семену Алексѣевичу Гурьеву.

Полковникъ Гурьевъ не долго прокомандовалъ полкомъ, всего одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ. О личности этого командира въ полку не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Единственно важнымъ событіемъ въ командованіе полковника Гурьева,—было отчисленіе 3-го баталіона въ полномъ составѣ, со знаменемъ, въ Модлинскій пѣхотный полкъ, гдѣ онъ принялъ № 5 баталіона.

Въ декабрѣ 1846 года, 2-й и 3-й баталіоны Модлинскаго пѣхотнаго полка поступили на укомплектованіе Дагестанскаго пѣхот. полка, а взамѣнъ отчисленныхъ, въ Модлинскомъ полку сформированъ 2-й баталіонъ изъ половины 1-го; 5-й же, бывший Рязанскій баталіонъ, названъ 3-мъ. Приказъ о выдѣленіи 3-го баталіона состоялся 23 февраля 1845 года, а 20 марта онъ уже навсегда покинулъ ряды Рязанцевъ въ нижеслѣдующемъ составѣ:⁵²

1 штабъ-офицеръ, 16 оберъ-офицеровъ, 82 унтеръ-офицера, 28 музыкантовъ, 920 рядовыхъ, 1 лѣкарь, 1 фельдшеръ, 1 нисарь, 4 пирульника, 12 фурштадскихъ рядовыхъ, 8 нестроевыхъ, 16 денщиковъ и 24 подъем. лошади.

На мѣсто убитаго 3-го баталіона, въ полку сформированъ былъ новый изъ частей 1-го, 2-го и 4-го баталіоновъ и 28-го февраля, того же 1845 года ему, согласно Высочайшей волѣ, изложенной въ приказѣ Военнаго Министра, пожаловано новое знамя.

18 іюня изъ полка убавлено еще 100 человѣкъ для 6-го стрѣлковаго баталіона и людей этихъ почему то приказано показывать въ безерочномъ отпуску.⁵³

6 января 1846 года въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Щелкановъ.

Александръ Семеновичъ Щелкановъ происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей и службу началъ 15 мая 1808 года рядовымъ въ 1-мъ учебномъ Барабинерномъ полку. 7 октября 1811 года Александръ Семеновичъ произведенъ изъ фельдфебелей въ подпоручики.

Быстро повышаясь по службѣ А. С. Щелкановъ въ 1818 году былъ уже майоромъ сначала въ 14 Егерскомъ, а потомъ (1819г.) въ 1-мъ Морскомъ полку. Въ 1829 году 5-го мая назначенъ командующимъ Ярославскимъ полкомъ, что послѣ Владимірскій, и 1-го марта 1833 года утвержденъ въ должности съ производствомъ въ полковники.

Съ 19 мая 1833 по 20 января 1842 года Александръ Семеновичъ командовалъ послѣдовательно резервными бригадами сначала 9-й, а потомъ 4 пѣхотныхъ дивизій, а послѣ упраздненія резервныхъ дивизій шести корпусовъ состоялъ по резервной пѣхотѣ до дня назначенія командиромъ Рязанскаго полка. Новый нашъ командиръ участвовалъ въ Польской войнѣ въ 1831 году и имѣлъ польскій знакъ отличія 3-й степени.

Командованіе полкомъ А. С. Щелканова было во всѣхъ отношеніяхъ блестящее, весьма удачное какъ для него лично, такъ и для подчиненныхъ.

Сейчасъ же въ первый годъ назначенія новаго командира Рязанцы въ Москвѣ представились на смотръ Николаю I-му. Произведенное въ Высочайшемъ присутствіи 1-го и 3-го сентября ученіе 1-й бригады 18 пѣхот. дивизіи было изъ ряда выходящее по успѣху, за что Щелкановъ удостоился Монаршей благодарности, а 6 декабря въ день Тезоименитства Государя произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ командиромъ полка.

Не менѣе, а даже еще болѣе удачны для полка были сборы 6 пѣхотнаго корпуса въ слѣдующемъ 1847 году, сначала весной въ городѣ Орлѣ, а потомъ въ сентябрѣ подъ Москвою, когда генералъ майоръ Щелкановъ награжденъ за отличное состояніе полка именной Его Величества благодарностью.

Въ 1847 году, кромѣ того совершилось событіе, высоконравственное значеніе котораго должно отразиться на самыхъ отдаленныхъ потомкахъ нашихъ, доколѣ волей Россійскихъ Монарховъ существовать будетъ 69 пѣхотный Рязанскій полкъ.

Событіемъ этимъ было назначеніе И. Н. Скобелева шефомъ Рязанскаго полка.

Какъ извѣстно, Иванъ Никитичъ въ 1817 году оставилъ командованіе полкомъ, а 21 октября 1821 года мы уже видимъ его въ званіи генералъ-полицеймейстера 1-й арміи. 28 января 1828 г. Скобелевъ командовалъ 3 пѣхотной дивизіей, въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 22 августа 1830 года уволенъ въ отпускъ для излѣченія ранъ, съ оставленіемъ по арміи. Началась Польская война и Скобелевъ вновь на службѣ. Начальствуя резервною бригадою 3 гренадерской дивизіи и резервными дивизіями 1, 2 и 3 корпусовъ, Скобелевъ выступилъ въ походъ 1 марта 1830 года, а черезъ 20 дней назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи. 12 апрѣля отъ г. Сѣдлеца двинулся Иванъ Никитичъ впередъ съ частью авангарда, а 14 уже въ бою подъ Минскомъ на своемъ «серебрянномъ,» какъ онъ называлъ, конѣ разѣзжалъ Скобелевъ, устранивая полки къ бою. «Солдаты, говорилъ онъ, святой храмъ русскаго Бога, законныя права отца нашего Царя, неблагодарными подданными оскорблены и обширныя границы драгоцѣннаго намъ Отечества всегда имѣли стальной непобѣдимый щитъ въ груди вѣрныхъ сыновъ своихъ, слава наша всегда, во всѣхъ концахъ земли, гремѣла подъ луною и Русскій въ полѣ штыкомъ писалъ врагу законы. Теперь слѣдуетъ вопросъ: будемъ ли мы въ христіанскихъ обязанностяхъ слабѣе предковъ, измѣнилась ли въ насъ важность присяги? простыла ли любовь къ роднымъ и менѣ ли дорога намъ честь матери нашей Россіи?.. Слышу—скорѣе въ землю обратимся, но не осраимся, воркуетъ молодое сердце побѣдоносныхъ товарищей. Вижу огненную готовность неустрашимыхъ побѣдителей сразиться, или умереть. Вѣрю искреннимъ чувствомъ и пламенному желанію восхищаюсь, но не удивляюсь. Къ чему не способны и чего не сдѣлаютъ Богомъ возлюбленныя дѣти страшнаго врагамъ сѣвера, братья родныхъ русскихъ вихрей, вьюгъ и бурановъ? Но... чьей души не грѣютъ молитвы въ храмѣ живаго Бога за насъ возсылаемыя, кто не пита-

сть твердой надежды на Господа Вседержителя, Покровителя правыхъ, чья пуля не вѣрна и чей штыкъ не лизнетъ бусурманской крови, тотъ не герой и не товарищъ мой. Храбрый понялъ меня и вѣритъ слову, а трусу покажу на дѣлѣ, какъ жить и умереть со славою. Праотцы наши не знали середины и завѣтъ этотъ булатными мечами вписали въ кровавое, въ святое знамя Россіи, въ Куликово поле.⁵⁴ Какъ старшій изъ васъ солдатъ, я первый вамъ примѣръ и первая причина къ доказательству, что за святое дѣло умереть весело, славно. Не думайте однако же ребята, чтобы мнѣ не о комъ было пожалѣть, чтобы мнѣ стошнилось жить на бѣломъ свѣтѣ. Напротивъ, я не круглый сирота и спѣшилъ къ вамъ, оставя дѣтей, жену, да еще какую—кровь съ молокомъ. Изъ одной моей жены, безъ нужды, можно бы выкроить, по крайности, тройку славныхъ солдатскихъ женъ.»⁵⁵ Съ послѣднимъ словомъ солдаты гаркнули «ура.» Лишь только Скобелевъ поставилъ на выгодной позиціи артиллерію и сказалъ: «начинайте съ Богомъ,» какъ роковое ядро оторвало у него кисть отъ лѣвой руки въ то мгновеніе, когда онъ поправлялъ свою шляпу. Иванъ Никитичъ усидѣлъ на лошади и, не произнеся ни одной жалобы, ни одного стона, взглянулъ на повисшую на одной кожѣ руку свою и тутъ же на мѣстѣ, позади колоннъ, подъ жестокимъ огнемъ далъ сдѣлать себѣ операцію. Фотографическій снимокъ оставшейся руки съ тремя пальцами, копія гобеллена, изображающаго операцію И. Н. Скобелеву въ бою подъ Минскомъ, присланная внучкой героя, княгиней Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлосельской, въ 1885 г. вмѣстѣ съ портретомъ Ивана Никитича, хранятся въ полковомъ музеѣ. Наградю Скобелеву за дѣло подъ Минскомъ былъ орденъ Св. Георгія 3 степ. 1-го ноября 1831 года И. Н. назначенъ состоять по военнымъ населеніямъ, а 16 числа того же мѣсяца командующимъ резервною бригадою 3 гренадерской дивизіи и резервными дивизіями 1, 2 и 3 пѣхотныхъ корпусовъ. 18 Мая 1832 г. Скобелевъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія ранъ, въ свое имѣніе, Балужскую губернію, откуда прибылъ въ Петербургъ 11 февраля слѣдующаго года. 11 іюня 1832 года, назначенъ членомъ Генераль-Аудиторіата, а черезъ 2 года награжденъ Владимирскимъ кресломъ 2 степени. 25 іюня 1834 года, Скобелевъ назначенъ Инспекторомъ резервной пѣхоты, которую довелъ до отличнаго состоянія.

Его наставленія молодымъ новобранцамъ, какъ характеризующія одного изъ первыхъ Рязанцевъ, дѣликомъ приведены въ особомъ приложеніи.⁵⁶ Здѣсь же необходимо отмѣтить, что за отличное состояніе резервныхъ войскъ, въ теченіе одного 1835 г., Скобелевъ удостоился 3 раза Высочайшей благодарности и ленты ордена Блага орла. Въ слѣдующемъ 1836 г. столько же высочайшихъ благословній и золотую табакерку, украшенную алмазами. 26 января 1837 года Скобелевъ уволенъ въ отпускъ на одинъ годъ, а 7 декабря и отъ службы за ранами. 8 мая 1839 г. онъ снова принятъ на службу съ состояніемъ по арміи и назначенъ Комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, Директоромъ Чесменской Военной Богадѣльни и членомъ Александровскаго комитета о раненныхъ. Назначеніе состоятъ начальникомъ Инвалидовъ совершенно согласовалось съ призваніемъ Ивана Никитича. Самъ гордясь именемъ инвалида, называя инвалидовъ своими товарищами, Скобелевъ безъ устали заботился о нихъ не только какъ о товарищахъ, но какъ о близкихъ родныхъ. Пользуясь неизмѣннымъ вниманіемъ Императора Николая I, онъ удостоился нѣсколькихъ Высочайшихъ наградъ, въ томъ числѣ пожалованіемъ майората въ Царствѣ Польскомъ, а 19 апрѣля 1842 г. Александровской лентой. 10-го октября 1843 года Иванъ Никитичъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 5 сентября 1847 года самой лестной, самой утѣшительной къ старости наградою, какъ онъ впоследствии самъ говорилъ, шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка.

Слѣдующимъ приказомъ объявилъ полку самъ Иванъ Никитичъ Царскую милость.

«Государю Императору Всемилоостивѣйше угодно было присоединить меня къ имени славнаго Рязанскаго пѣхотнаго полка и тѣмъ даровать мнѣ новыя силы, новую жизнь.

«При прочтеніи Высочайшаго приказа, въ памяти моей воскресли доблести предшественниковъ вашихъ и громкая слава геройскими подвигами ихъ произведенная. Въ грозныя времена, въ пылу жесточайшаго боя, съ полной довѣренностію въ Провидѣніе, дѣтской любовью къ Монарху, за Вѣру и Отечество они дрались какъ львы, а въ мирныя, служба чисто, честно, вѣрно, вели себя какъ Божьи агнцы; ненавистнаго, подлаго слова (бѣглець) Рязанцы не знали. Всюду, гдѣ они квартировали, пользовались дружбою жителей и лестная по-

хвала была имъ удѣломъ. Надежда, что и въ настоящее время новыя товарищи, по свойственному имъ понятію объ обязанностяхъ и чести, поддержать лестную славу, бодрить духъ мой. А въ столѣтсчастливомъ положеніи я молю Господа Покровителя вѣрныхъ, да удостоятъ меня слышать и видѣть, что служба и поведеніе каждаго изъ Рязанцевъ, молодцовъ, оправдываетъ высокое званіе воина и прилична Богомъ возлюбленному герою Христіанину.

Съ моей стороны обѣщаюсь, что лишь только Батюшка Бѣлый Царь прикажетъ потормозить какого-нибудь басурмана, лишь только потребуется работа штыкомъ и порохомъ, я тотчасъ посреди васъ: въ огонь и въ воду съ вами! Въ залогъ чего посылаю вамъ икону Спасителя нашего Иисуса Христа, да сохранитъ васъ Всемогущая благодать здоровыми, невредимыми, веселыми, къ службѣ усердными и святой присягѣ вѣрными.»

Приказъ этотъ былъ доставленъ Иваномъ Никитичемъ при слѣдующемъ письмѣ на имя командира полка.

«Милостивый Государь Александръ Семеновичъ!

Прошу Ваше Превосходительство прилагаемый у сего приказъ прочесть всѣмъ нижнимъ чинамъ, побѣдоносный Рязанскій полкъ составляющимъ. Проектъ сего приказа всеподданнѣйше представленъ былъ Государю Императору, слѣдовательно читать его можно смѣло. Икона Спасителя вмѣстѣ съ нимъ слѣдуетъ на срочномъ транспортѣ и по сему она должна подвергаться разнымъ въ пути невѣжествамъ, прошу Духовнаго отца освятить оную вновь. Примите поздравленіе съ бригадою и увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

И. Скобелевъ.

18 октября 1847 года.

Благословеніе нашего знаменитаго шефа — икона Христа Спасителя⁵⁷ до нынѣ хранится въ полковой церкви, служа священнымъ залогомъ, что и въ будущемъ молодыя поколѣнія Рязанцевъ, слѣдуя завѣтамъ предшественника ихъ героя, поработаютъ во славу полка для блага Царя и Россіи.

Между тѣмъ, получить икону и прочесть приказъ шефа пришлось уже другому командиру Рязанцевъ полковнику Александру Фомичу Дуссеку.

Генераль-маіоръ А. С. Щелкановъ Высочайшимъ приказомъ отъ 11 октября 1847 года назначенъ былъ командиромъ 1-й бригады 16 пѣхот. дивизіи, куда отправился 7 декабря.

«Прилагая у сего 200 рублей серебромъ, писалъ Скобелевъ новому командиру, покорнѣйше прошу Васъ, милостивый Государь Александръ Фомичъ, въ торжественный день Святого Угодника Николая за здравіе Благодѣтеля Царя приказать нижнимъ чинамъ поднести по чаркѣ водки. А затѣмъ не оставьте увѣдомить меня, въ какой степени подѣйствовала губительная эпидемія на нашихъ товарищей. Да сохранить ихъ десница Всемогущаго Бога.» Письмо это относится къ 20 ноября 1847 года и по всей вѣроятности упоминается въ немъ объ эпидеміи холеры, бывшей въ этомъ году. Свѣдѣній о размѣрахъ эпидеміи въ полку не сохранилось. Недолго, однако, позволилъ Богъ гордиться намъ своимъ шефомъ. Состояніе здоровья Скобелева вслѣдствіе походовъ и ранъ заставляло его все чаще и чаще брать отпуски; такъ 1841 году онъ былъ въ отпуску съ 1-го мая по 27 августа на Сергіевскихъ Минеральныхъ водахъ; въ 1842 г. съ 12 іюля по 10 сентября и въ 1843 году съ 27 мая по 27-го іюня. Однако, изнуренный тяжкими ранами и непомѣрною дѣятельностью, отягченный лѣтами Иванъ Никитичъ, не лишившись обычной ему бодрости и природной веселости, тихо скончался 19-го февраля 1849 года. Еще за нѣсколько дней до смерти Скобелевъ говорилъ: «каждый разъ, когда я получаю рапортъ отъ моего любезнаго полка, я оживаю духомъ.» Иванъ Никитичъ Скобелевъ, пишетъ Булгаринъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный и можно смѣло сказать, истинный представитель русской народности: умный, смысленный, находчивый, храбрый, истинный христіанинъ, преданный душевно Престолу, любившій пламенно Отечество и все отечественное, благотворительный и хлѣбосолъ. Таковъ первообразъ русскаго характера, когда къ нему не пристала чужеземная плѣсень, а объ Иванѣ Никитичѣ можно сказать, что онъ былъ Русакъ чистой крови, самородное русское золото безъ всякой примѣси. Не получивъ школьнаго

образованія, Скобелевъ, разумѣется, не могъ писать правильно по указаніямъ науки. Но онъ обладалъ тѣмъ, что не пріобрѣтается наукою, но дается Провидѣніемъ, а именно природнымъ дарованіемъ. Скобелевъ имѣлъ свой природный слогъ, писалъ не для глазъ, а для уха, писалъ, какъ говорилъ, а потому все, что онъ сочинилъ, носитъ на себѣ печать самостоятельнаго таланта. Несмотря на многосложныя занятія, Иванъ Никитичъ любилъ заниматься словестностью; его литературныя произведенія, изданныя отдѣльно, слѣдующія: 1) Переписка и рассказы русскаго инвалида, имѣвшее нѣсколько изданій (всѣ въ СПБ. первое въ 1838 г. въ тип. Н. Греча; второе 1841 году въ тип. Югансона; 3-е (на титулѣ 4-е) 1844 г. въ тип. Журнакова. Последнее изданіе имѣется съ 9 картинами, рисованными Жуковскимъ; 2) «Бесѣды русскаго Инвалида или новый подарокъ товарищамъ» — 2 части (СПБ. 1838 г. въ тип. Греча; 3) «Вечеръ Чесменскихъ Инвалидовъ,» «Кремневъ русскій солдатъ.» Сверхъ того отдѣльныя статьи Скобелевъ помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ.

Всѣ сочиненія Скобелева отличаются чувствами, которыя составляютъ истинную характеристику русскаго воина. Богъ, Царь и Матушка Россія всегда наполняли душу его и были стихіями его жизни, цѣлью всѣхъ помысловъ и всей его дѣятельности. Чувства эти онъ старался передать всему русскому народу въ своихъ сочиненіяхъ.

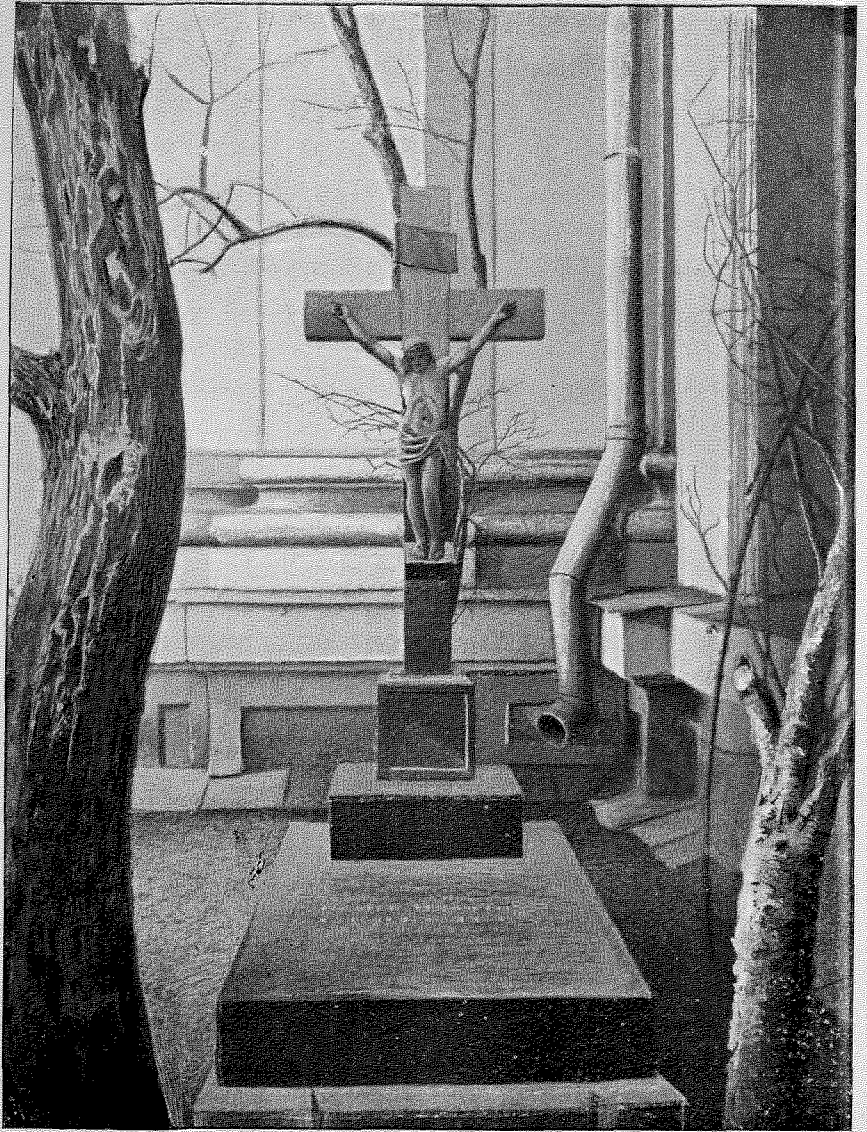
Рязанскому полку И. Н. Скобелевъ, кромѣ того, оставилъ безцѣнный подарокъ—драгоцѣнную памятку, добытую имъ и сохраненную: «Предсмертную грамотку Рязанскаго солдата, служившаго въ полку съ 1715 по 1741 годъ.⁵⁸

И сохранили же Рязанцы память о своемъ командирѣ и шефѣ. Въ немъ лучшее доказательство, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Руководимый храбростью, честностью, прямотушіемъ, вѣрностью къ престолу и любовью къ Отечеству, этотъ доблестный мужъ, отъ званія простаго солдата, дошелъ до чина полнаго генерала, родившись бѣднымъ, дожилъ до богатства; пользовался драгоцѣнною Монаршею милостью и пріобрѣлъ общую любовь и уважаніе.⁵⁹ Подражайте ему, служите, терпите и не теряйте никогда надежды на Бога и на Царя, какъ самъ говаривалъ Иванъ Никитичъ

Скобелевъ. Ежели будетъ кто-нибудь изъ васъ Рязанцевъ въ Петропавловскимъ соборѣ—усыпальницѣ русскихъ Монарховъ, и станетъ у южнаго окна, выходящаго въ алтарь, знайте, что это было любимое мѣсто Скобелева во время богослуженія. И теперь смотреть въ это окно черный мраморный крестъ его памятника, напоминая о лучшемъ представителѣ чести и славы Рязанскаго полка. Нашъ народный поэтъ А. Козловъ слѣдующими стихами почтилъ память незабвеннаго шефа:

«НА СМЕРТЬ СКОБЕЛЕВА»

Еще одна печаль. Еще одна утрата!
 Еще любимца музъ и славы Русской нѣтъ...
 Сынъ вѣрный родины, типъ Русскаго солдата,
 Безрукій ветеранъ оставилъ этотъ свѣтъ.
 Свидѣтель славныхъ битвъ войны съ Наполеономъ,
 Въ двѣнадцатый, въ кровавый, грозный годъ,
 Одинъ изъ тѣхъ щитовъ, стоящихъ передъ Трономъ,
 Которыхъ любить Царь, Отчизна и народъ.
 Въ годину славную, въ войну за Русь святую,
 Онъ грудью за Царя и родину стоялъ;
 Съ солдатскимъ шлемъ штыкомъ на сѣчу боевую,
 И вышелъ въ ранахъ весь почтенный генералъ.
 Но и въ дни мирные, на лаврахъ славы ратной,
 Не могъ въ бездѣйствіи почтенный воинъ жить;
 Онъ на перо смѣнивъ любимый мечъ булатный,
 Солдатскія сердца умѣлъ обворожить
 Своимъ простымъ, вполне для нихъ доступнымъ слогомъ,
 Своєю рѣчью, имъ понятной и живой.
 Въ своихъ бесѣдахъ онъ мирилъ безбожныхъ съ Богомъ,
 Знакомилъ рекрутовъ съ отвагой боевой;
 Съдымъ же усачамъ напоминалъ ихъ славу,
 Былую удачу ихъ, продѣлки ихъ штыка,
 Бородино, Монмартръ, Финляндію, Варшаву,
 Браиловъ, Букарестъ, паденіе Рущука.
 И вотъ ужъ нѣтъ его... Но въ памяти народа

Могла Шефа и командира полка, Генерала отъ Инфантеріи И. Н. СКОБЕЛЕВА
въ оградѣ Петропавловскаго Собора въ С.-Петербургской крѣпости.

Его живой рассказ о дѣдахъ не умереть;
Нѣтъ, перейдетъ онъ въ родъ изъ рода,
И слава стариковъ въ ихъ дѣтяхъ процвѣтетъ.

Скобелевъ былъ дважды женатъ (первый бракъ расторгнуть). У него было восемь сыновей и двѣ дочери; изъ нихъ Анна умерла въ младенчествѣ, а Вѣра вышла замужъ за флигель-адъютанта полковника К. Ф. Опочинина; изъ сыновей одинъ утонулъ въ Окѣ, пятеро умерло въ дѣтствѣ, остался одинъ Дмитрій, женатый на О. Н. Полтавцевой. Дмитрій Ивановичъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ 1879 году, оставивъ дѣтей: Надежду замужемъ за княземъ К. Э. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ; Ольгу замужемъ за В. П. Шереметьевымъ; Зинаиду замужемъ за Ею И. В. Герцогомъ Евгениемъ Максимилиановичемъ Лейхтенбергскимъ и сына Михаила, знаменитаго героя Плевны, Шипки и Геокъ-Тепе. За смертью Михаила Дмитриевича въ 1882 году родъ Скобелевыхъ пресѣлся въ мужскомъ колѣнѣ.

Новый нашъ командиръ Полковникъ Александръ Фомичъ Дуссекъ, дворянинъ Московской губерніи, началъ службу 6 марта 1821 года подпоручикомъ въ Гренадерскомъ Наслѣднаго Принца Прусскаго полку. Произведенный спустя два года въ поручики въ своемъ полку, Александръ Фомичъ переведенъ былъ вскорѣ въ 1 Учебный Карабинерный полкъ, откуда въ 1826 году прикомандированъ къ Л. Гв. Егерскому полку, а затѣмъ въ 1827 году окончательно зачисленъ въ этотъ полкъ. Служба А. Ф. Дуссека въ гвардіи продолжалась до 1834 года, когда онъ, наконецъ, назначенъ былъ плацъ-адъютантомъ г. С.-Петербурга.

Десять лѣтъ, проведенныхъ внѣ строя, заставили его просить о прикомандированіи для испытанія по службѣ къ образцовому пѣхотному полку. Отбывъ тамъ 6-ти мѣсячный срокъ прикомандированія, А. Ф. Дуссекъ съ производствомъ въ полковники переведенъ во Владимірскій пѣхотный полкъ 17 августа 1844 года, а 11 октября 1847 года назначенъ командиромъ Рязанскаго полка, въ командованіе которымъ вступилъ 1 ноября того же года.

Рязанскій полкъ ко времени принятія его полковникомъ Дуссекъ

былъ, что называется, на счету отличнѣйшаго полка по тогдашнимъ возрѣніямъ.

Усиліями многихъ годовъ строго вымуштрованный онъ блисталъ на смотрахъ, педантичностью въ исполненіи уставныхъ формъ, бравымъ видомъ, щеголеватостію, аккуратностію пригонки амуниці и обмундированія. Но подъ этимъ наружнымъ видомъ благополучія, скрывался огромный недугъ. Недугъ этотъ, конечно, лежалъ не въ нравственныхъ качествахъ солдата и офицера. Нѣтъ. Подъ тѣсно стянутыми мундирами билось все то же русское сердце, преисполненное горячей любви къ Царю и дорогой Родинѣ, вся та же мощь, все та же беззавѣтная русская улава. Недугъ скрывался въ всей военной нашей системѣ, тормозившей всякое развитіе, всякій прогрессъ, что превратило, наконецъ, русскую армію въ бездушную машину.

Начиная съ 20-хъ годовъ 19 столѣтія развитіе русской арміи ея совершенствованіе какъ бы приостановились. Возрастали только смотровыя, ремешковыя требованія. И это въ то время, когда у нашихъ сосѣдей техника и другія отрасли науки дѣлали неимоверно быстрые шаги, производя коренной переворотъ въ способахъ и средствахъ обороны государства.

То, чѣмъ мы гордились, на что рассчитывали—давно уже устарѣло, силою же фактовъ, хватаясь за новое, мы всегда и во всемъ опаздывали, еле еле «равнясь въ затылокъ народамъ Европы,» по мѣткому выраженію Менъкова. Слѣдя внимательно за жизнью полка въ разсматриваемый періодъ, мы могли получить вѣрную картину постепеннаго отступленія отъ завѣтовъ Великаго Создателя русской арміи Петра I. Разберемся теперь въ деталяхъ тяжелаго, почти саркофажнаго сна.

Вооруженіе полка состояло изъ ружья 7-ми линейнаго калибра съ трехграннмъ штыкомъ и тесака. Ружье имѣло кремневый замокъ и заряжалось съ дула шаровидной пулей вѣсомъ около 10 золотниковъ, прицѣла не было. Для красоты ружье снабжалось множествомъ мѣдныхъ принадлежностей, а стволы и желѣзныя части не покрывались краской; они должны были блестѣть, а потому чистка ружья производилась пескомъ, кирпичемъ и т. п. средствами. Изогнутые стволы и поломанные замки были не рѣдкость. Мѣткость

съ такого ружья на разстояніи 100—200 шаговъ была достаточно но начиная съ 200 шаговъ, она быстро уменьшалась. Въ минуту изъ ружья дѣлали одинъ выстрѣлъ и то въ хорошую погоду, такъ какъ во время дождя насыпаемый на полку замка порохъ или со-всѣмъ не загорался, или загорался не сразу. Заряжаніе съ дула не давало солдату возможности въ бою укрываться лежа, стрѣлять съ колѣна или въ какомъ-либо другомъ положеніи, потому что послѣ выстрѣла приходилось вставать для заряжанія. Потеря и поломки шомпола ставили солдата въ невозможность дѣйствовать огнестрѣль-нымъ оружіемъ.

Съ 1842 года, благодаря все совершенствующейся на западѣ техники, у насъ впервые рѣшаются ввести нарѣзное оружіе, такъ называемые стрѣлковые (литтхскіе) ударные штуцера, калибромъ 7 линій, съ 2 нарѣзами, вѣсомъ въ $10\frac{1}{2}$ ф.; сферическая пуля ихъ снабжалась двумя выступами; при заряжаніи выступы вводились въ нарѣзы ствола и пуля досылалась ударами шомпола. Штуцера по своей длинѣ не позволяли стрѣлять изъ сомкнутого строя. Дальность и мѣткость новаго оружія въ значительной степени превосходила та-ковыя гладкихъ ружей. Мѣткая стрѣльба стала возможна до 600—700 шаговъ.

Штуцера получили въ полку только по 2 унтеръ-офицера и по 24 рядовыхъ на баталіонъ; они назывались штуцерными и назнача-лись изъ отличнѣйшихъ стрѣлковъ.

Штыковъ штуцерные не имѣли, а взамѣнъ ихъ были снабжены прямымъ обоюдоострымъ тесакомъ, примыкавшимъ къ штуцеру въ минуту надобности; штуцеръ съ тесакомъ вѣсилъ почти 13 фунтовъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ появились пули цилиндрическія съ двумя выступами, что давало возможность поражать изъ штуце-ровъ до 1200 шаговъ.

Со второй половины сороковыхъ годовъ началась передѣлка кремневыхъ ружей въ ударныя, но работа производилась очень ме-дленно, такъ какъ дѣйствию пѣхоты огнемъ не придавали большого значенія. Въ результатѣ, когда большая часть иностранныхъ армій имѣла уже ударныя, нарѣзныя ружья, мы попрежнему оставались

съ гладкими кремневыми ружьями. Незначительное число штуцерныхъ, по 26 ч. на баталіонъ, вооруженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ, въ расчетъ, конечно, принимаемо быть не можетъ.

Вооруженный пѣхотинецъ одѣтъ былъ въ узкій перехваченный у талии двубортный мундиръ съ фалдами сзади, вродѣ нынѣшнихъ фраковъ, но только болѣе короткихъ; тѣсные рукава мундира имѣли перехваты у кисти. Стоячій воротникъ застегивался на нѣсколько крючковъ, плотно охватывалъ шею и подходилъ почти до самаго подбородка, заставляя держать голову неподвижно; суконныя шаровары зимою и полотняныя лѣтомъ всегда носились поверхъ сапоговъ, во всякую погоду; сапоги носили только короткіе и сверхъ нихъ подъ шаровары надѣвались черныя суконныя полуштиблеты съ шестью пуговицами.

Головной уборъ состоялъ изъ тяжелаго высокаго, въ $5\frac{1}{2}$ вершковъ, кивера, вродѣ опрокинутаго вверхъ основаніемъ усѣченнаго конуса. Въ парадныхъ случаяхъ надѣвался на киверъ цилиндрическій, 11 вершковъ длиною, стоячій султанъ, такъ что общая высота головнаго убора доходила до $16\frac{1}{2}$ вершковъ. Въ ученія дозволялось носить фуражки совершенно сходныя съ употребляемыми въ настоящее время. Длинная почти до пятокъ, но тѣсная, шинель сѣраго сукна имѣла стоячій воротникъ, не прикрывавшій ушей и строилась съ перехватомъ въ талии; подъ шинель, кромѣ мундира, ничего нельзя было одѣтъ.

Патронная сумка носилась назадъ, ниже поясицы, на широкомъ ремнѣ черезъ лѣвое плечо, а тесакъ съ рукавицами и штыковыми ножнами на такомъ же ремнѣ черезъ правое плечо; поверхъ всего этого черезъ лѣвое плечо одѣвалась скатанная въ трубку шинель, а за тѣмъ ранецъ, на двухъ плечевыхъ ремняхъ, соединенныхъ на груди третьимъ поперечнымъ. Ранецъ дѣлался изъ телячьей кожи высотой въ 8 верш., длиною въ 9 и толщиною около 2 вершковъ; съ 1826 года шинель стали носить на ранцѣ въ особомъ чехлѣ. Часть солдатъ въ ротѣ была снабжена еще топорами, мотыгами, кирками и лопатами. Бителей и рубашекъ не существовало. Сукна, изъ которыхъ изготовлялась одежда — толеты, безъ ворса, очень похожи на нынѣшнія шинельныя. Офицерское обмундированіе схожее во всемъ

съ солдатскимъ, только лучшихъ качествъ, а мѣдныя металлическія части золоченныя. Кому полагалось быть верхомъ, имѣли лошади съ коротко подстриженнымъ хвостомъ и всегда поднятой реншей для чего производилась довольно мучительная операція подрѣзыванія.

Съ 1832 года принять былъ рядъ мѣръ по упрощенію одежды и снаряженія солдата. Такъ, въ 1834 году приказано носить ра-нецъ на ремняхъ, перекрещивающихся на груди. Въ 1844 году кивера замѣнены касками, хотя и столь же тяжелыми, какъ и кивера, но болѣе удобными, такъ какъ правильно пригнанная каска не такъ жала голову, какъ киверь.

За всемъ этимъ остальное осталось по-старому. Многочисленные ремни и ремешки амуниці полагались бѣлаго цвѣта, требовали постоянной чистки и бѣленія, на что солдатъ тратилъ значительную часть свободнаго времени.

Какъ видимъ, подобное обмундированіе, какъ нельзя болѣе, дополняло вооруженіе солдата и вмѣстѣ взятое составляло предметъ особой науки чистки и пригонки, которую въ совершенствѣ постигали лишь немногіе счастливыя, удостоиваемыя за то быстрыхъ повышеній по службѣ.

Въ казармахъ стояло весьма незначительное число войскъ, вся же масса по квартирамъ у жителей на основаніи правилъ постоянной повинности. Постоянная повинность обязывала отводить помѣщеніе не только для солдатъ и офицеровъ, но и подъ лазареты, штабы и прочее, отапливать и освѣщать помѣщенія, отводить мѣста для ученій и стрѣльбы. Наконецъ, при расквартированіи на широкихъ квартирахъ, жители обязаны были кормить постояльцевъ горячей пищей.

Неудивительно, что при такой тяжелой повинности для населенія, въ видахъ облегченія данныхъ раіоновъ, полкъ положительно ко-чуетъ, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, что сильно затрудняло обученіе и было крайне неудобно въ военномъ отношеніи. Одни развѣ только солдаты считали для себя квартированіе у жителей настоящимъ отдыхомъ, выходя изъ опеки начальниковъ, на волю, въ обстановку близкую, родную, крестьянскую. Въ деревнѣ отводилась

солдату изба, въ которой онъ жилъ или всю зиму, или только нѣсколько дней, переходя отъ одного хозяина къ другому, дабы облегчить имъ нѣсколько повинность. Такое квартированіе способствовало къ крайней разброскѣ ротъ; иногда рота занимала пять, шесть деревень и разбрасывалась на пространствѣ 10—20 верстъ. Весною, исключая времени государственныхъ работъ, полкъ располагался на тѣсныя квартиры, т. е. тоже по обывателямъ, но болѣе сосредоточенно, причемъ нижніе чины получали пищу не отъ жителей, а довольствовались изъ общаго котла.

Приварочное довольствіе солдата, установленное еще при Императорѣ Александрѣ I, оставалось безъ измѣненія.

При довольствіи отъ жителей, послѣднимъ отдавалась въ видѣ вознагражденія вся причитающаяся крупа и мука; приварочныя же деньги за это время составляли экономію части.

Ничтожные отпуска и оклады были болѣе, чѣмъ недостаточны для порядочнаго довольствія солдата, а потому войсковые начальники принуждены были сами изыскивать источники для покрытія расходовъ на довольствіе, въ особенности во время лагерныхъ сборовъ, похода и т. п. Въ военное время размѣръ довольствія опредѣлялся главнокомандующимъ арміей. Нечего и говорить, что такіе порядки влекли за собой часто произволъ и неизбѣжныя съ нимъ злоупотребленія.⁶⁰ Квартируя въ великороссійскихъ губерніяхъ, Рязанцы не могли жаловаться на пищу; въ этомъ отношеніи полкъ находился въ гораздо лучшихъ условіяхъ сравнительно съ войсками, расположенными на западной окраинѣ; развѣ только у бѣдныхъ хозяевъ солдата кормили хуже, но онъ всегда обѣдалъ съ ними и ѣлъ то, что они сами. Въ праздники солдату перепало не мало пироговъ и мяса не только отъ хозяевъ, но и отъ сосѣдей, взамѣнъ чего солдатъ всегда охотно помогалъ квартирнымъ хозяевамъ въ ихъ тяжелой домашней работѣ.

Дисциплина, основанная на строгомъ, непрекословномъ исполненіи требованій службы, была въ весьма хорошемъ состояніи. Но эта уже общая характерная особенность русскаго солдата, а не заслуга системы. Напротивъ, по существовавшимъ тогда возрѣніямъ,

поддерживать дисциплину страхомъ жестокихъ наказаній считалось непремѣннымъ условіемъ, почему тѣлесныя наказанія розгами, палками и фухтелями процвѣтали.

Рота строилась въ три шеренги и дѣлилась на два взвода, взводъ на два полувзвода; штуцерные становились въ одномъ шагѣ за третьей шеренгой по три человѣка за каждымъ взводомъ; при пальбѣ штуцерные вступали въ строй, занимая мѣста уходящихъ за роту офицеровъ. Если нужно было вызвать штуцерныхъ впередъ для стрѣльбы, то это исполнялось по особому сигналу.

Въ развернутомъ строю баталіона мушкатерскія роты становились рядомъ одна около другой, гренадерская же дѣлилась пополамъ и строилась на флангахъ баталіона.

Уставъ былъ весьма сложенъ; онъ заключалъ въ себѣ указанія о правилахъ построенія разнообразнѣйшихъ и замысловатыхъ формъ строя. Эта сложность устава заставляла начальниковъ добиваться основательнаго изученія всѣхъ построеній, тщательно провѣряемыхъ на смотрахъ высшимъ начальствомъ. Разсыпнымъ строемъ почти не занимались, надѣясь на несокрушимую силу дѣйствія сомкнутыхъ массъ.

Для успѣшнаго дѣйствія массы необходимо полнѣйшее подчиненіе воли всѣхъ одному лицу начальника, который бы по своему усмотрѣнію могъ быстро и легко направить ее, куда необходимо, а это обстоятельство и привело обученіе массъ одной лишь маршировкѣ, стрѣльбѣ залпами холостыми патронами, ружейнымъ приѣмамъ, идеальной чистотѣ и образцовой стойкѣ. Обученіе фехтованію и гимнастикѣ не имѣло мѣста. Стрѣльбою почти не занимались. Многие солдаты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ службы не дѣлали ни одного боевого выстрѣла, хотя на боевую стрѣльбу ежегодно каждому солдату отпускалось по 10 патроновъ. Изъ гладкоствольныхъ ружей въ среднемъ выпускали не болѣе 3—5 пуль, весь же остатокъ шелъ на обученіе штуцерныхъ, которые дѣйствительно отличались большимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ.

Постоянные успѣхи противъ турокъ, персіянъ и кавказскихъ горцевъ, дѣйствовавшихъ исключительно холоднымъ оружіемъ, какъ бы

подтверждали господствовавшее мнѣніе о маломъ значеніи огня. Поэтому, несмотря на то, что всѣ сосѣднія арміи съ изобрѣтеніемъ нарѣзнаго ударнаго ружья усиленно обучались стрѣльбѣ, мы доводили до совершенства стройность и однообразіе уставныхъ эволюцій. Всѣ ученія заканчивались церемоніальнымъ маршемъ, который составлялъ особый отдѣлъ обученія и занималъ не малое количество времени. Однообразіе и стройность обученія доходили до того, что цѣлыя пѣхотныя дивизіи въ колоннахъ двигались въ ногу, не сбиваясь при поворотахъ и сохраняя идеальное равненіе по фронту и въ за тылокъ. Ружейные приемы полкомъ поражали своей чистотой. Тишина и неподвижность въ строю доведены были до совершенства и въ этомъ мертвомъ молчаніи, въ этихъ ловкихъ движеніяхъ и ружейныхъ приѣмахъ, по тогдашнимъ взглядамъ, заключался залогъ успѣха въ бою. Совокупныя занятія всѣхъ трехъ родовъ оружія производились не часто. Уставъ точно опредѣлялъ мѣсто пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи въ боевомъ порядкѣ. Для пѣхоты съ артиллеріей существовало 6 боевыхъ порядковъ слѣдующаго общаго характера. Войска строились въ три линіи; полки 1-й линіи въ баталіонныхъ колоннахъ или развернутымъ фронтомъ; всѣ баталіоны полка въ одной линіи. Впереди баталіоновъ первой линіи, шагахъ въ 100—200, могла быть рассыпана рѣдкая цѣпь штуцерныхъ; 2-я линія строилась въ 300 шагахъ за первой, также въ колоннѣ и въ одну линію. Слѣдующая 3-я линія въ 300—400 ш. за второй въ густыхъ полковыхъ или даже дивизионныхъ колоннахъ. Артиллерія разбрасывалась отдѣльными батареями по частямъ пѣхоты, причемъ батарейныя батареи выѣзжали на позицію первыми, легкія стояли въ резервѣ. Кавалерія становилась въ колоннахъ или развернутымъ фронтомъ въ третьей линіи, имѣя казаковъ на флангахъ первой линіи для охраненія войскъ. Со второй половины сороковыхъ годовъ разрѣшалось баталіоны первой линіи перестраивать въ меньшія части, т. е. въ ротныя колонны, но, дѣлая такую уступку, мы не отрѣшались все-таки отъ односторонняго взгляда на значеніе пули и штыка. О страшной силѣ и дальнбойности нарѣзнаго оружія мы и не подозревали. Отуманенные блестящими побѣдами въ персидскую войну, въ войну съ турками и поляками, мы исключали всякую мысль о какихъ-либо недостаткахъ въ нашей военной системѣ, вооруженіи, обученіи и организаціи. Неудачи, осо-

бенно въ польскую войну 1831 года, причисывались исключительно только не совсѣмъ сообразнымъ распоряженіямъ и различнаго рода несчастнымъ случайностямъ.

Но близокъ былъ уже часъ страшнаго, за такую самонадѣянность, возмездія. Разразившаяся вскорѣ Венгерская война, быстро оконченная полнымъ разгромомъ мятежниковъ, была послѣднимъ блестящимъ актомъ злополучной системы, вскорѣ затѣмъ, и такъ печально, закончившейся на залитыхъ потоками русской крови развалинахъ Севастополя.

Со второй половины сороковыхъ годовъ, обыкновеннымъ квартирнымъ раіономъ полка, вмѣсто Тульской, стала Калужская губернія. Отсюда то Рязанцы попрежнему раза по два въ годъ посѣщаютъ Москву; все тѣ же караулы и государственныя работы. Лѣто 1848 года провелъ полкъ въ лагерѣ у села Всевятакаго, а на зиму расположился: штабъ въ г. Калугѣ; 1-й бат. въ г. Мещевскѣ, 2-й въ Мясальскѣ; 3-й въ Жиздрѣ; 4-й въ Козельскѣ.⁶¹

Въ этомъ же году полкъ выдѣлилъ въ формируемыя резервныя и запасныя части 1 штабъ-офицера, 18 оберъ-офицеровъ и 13 денщиковъ, а также исключилъ изъ списковъ находящихся въ годовомъ отпуску: 24 унтеръ-офицера, 7 музыкантовъ и 63 рядовыхъ.

Въ запасныя и резервныя части выдѣлены были люди болѣе старшихъ ероковъ службы, прослужившіе свыше 10 лѣтъ; полкъ, такимъ образомъ, какъ бы помолодѣлъ въ своемъ составѣ. Прослужившихъ 25 лѣтъ, ерока службы 1823 года, а слѣдовательно Александровскихъ служакъ, въ полку всего на всего былъ одинъ человекъ - унтеръ-офицеръ Андрей Островскій.⁶²

Такъ наступилъ скорбный, памятный смертью славнаго шефа Рязанцевъ И. Н. Скобелева, 1849 годъ. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этого грустнаго извѣстія долго находились всѣ чины полка, а тамъ стали поговаривать о скоромъ походѣ.

Революціонныя движенія въ концѣ сороковыхъ годовъ объяли весь западъ Европы и, наконецъ, еще въ 1848 году разразились на нашихъ границахъ вооруженнымъ возстаніемъ Венгріи противъ Австріи.

Строгій оберегатель традицій священнаго союза Императоръ Ни-

колай 1-й съ рыцарской благородностію откликнулся на призывъ Императора Австрійскаго о помощи.

По Высочайшему повелѣнію, 18 апрѣля 1849 года, часть русской арміи (3 и 4 корпуса) вступили въ предѣлы Венгріи. Этимъ же указомъ 18 пѣх. дивизіи повелѣно передвинуться къ западнымъ границамъ. То, что теперь мы называемъ мобилизаціей, не долго заняло времени.

Имѣя составъ 250 человекъ въ ротѣ, полкъ не много, всего около 400 ч., требовалъ для пополненія до штатовъ по военному положенію, болѣе хлопотъ причиняла покупка недостающихъ 106 лошадей, но съ этимъ справились, и ко 2-му мая Рязанцы совершенно были готовы къ походу.

Первыми 16 мая выступили изъ своихъ квартиръ 3-й и 4-й баталіоны, спустя два дня, за ними тронулись штабъ полка, 1-й и 2-й баталіоны.

Походъ не долго продолжался—всего по 10 іюня, когда полку приказано было стать по квартирамъ въ Черниговской губерніи: штабъ-полка и 4-й баталіонъ въ городѣ Новозыбковѣ, 2-й баталіонъ въ м. Клинды, 3-й баталіонъ въ посадѣ Чуровичи, а роты по окрестнымъ деревнямъ.⁶³

Остановка произошла вслѣдствіе весьма удачныхъ нашихъ дѣйствій на театрѣ войны.

Полку такимъ образомъ попасть въ дѣло и на этотъ разъ не пришлось.

Проведя августъ на тѣсныхъ сборахъ въ г. Новозыбковѣ, роты разошлись въ началѣ сентября по прежнимъ квартирамъ, а 5 ноября полкъ приведенъ на мирное положеніе, что выразилось продажей съ аукціоннаго торгу полковыхъ подъемныхъ лошадей.

Въ концѣ 1849 года Высочайше пожалованы на знамя 3-го баталіона Александровскія юбилейныя ленты, съ золотымъ шнуромъ и скобою. Теперь исчезла и послѣдняя видимая разница между старыми Рязанцами 1-го и 2-го баталіоновъ и молодыми 3-го баталіона. За время стоянки у Новозыбова имѣемъ нѣсколько интересныхъ распоряженій бывшаго тогда начальника 18 пѣхот. дивизіи г. л. Скобельцына.

Такъ, между прочимъ, встрѣчаемъ приказаніе, дабы капральными ефрейторами назначались люди, прослужившіе не менѣе 10 лѣтъ. Относительно занятій на 1850 годъ сказано: до Пасхи заниматься одиночнымъ ученіемъ и прикладкой на глазъ. Послѣ Пасхи начать шереножное ученіе до 15 мая на капральныхъ дворахъ. Съ 15 мая, до выступленія въ лагерь, четыре раза въ недѣлю ротное ученіе на ротныхъ дворахъ; два раза въ недѣлю шереножное ученіе и рассыпной строй застрѣльщиками (штуцернымъ).⁶⁴

Лагерь назначался подъ городомъ Козельцомъ, куда роты, выполнивъ указанную программу, выступили 1 іюня 1850 г. одновременно со штабомъ баталіоновъ и полка. Походъ продолжался двѣ недѣли и съ 16-го іюня Рязанцы уже на мѣстѣ въ лагерѣ ведутъ обычныя занятія. О мѣстахъ постоянныхъ квартиръ ничего не было слышно, но и этотъ вопросъ скоро разрѣшился: полку попрежнему приказано расположиться на старыхъ квартирахъ въ Калужской губерніи; началомъ выступленія положено 12 августа. Въ назначенный срокъ Рязанцы со штабомъ дивизіи покинули Козелецкій лагерь, направляясь къ указаннымъ мѣстамъ.

Походъ былъ тяжелъ и продолжителенъ. Только 22 сентября штабъ прибылъ въ г. Калугу, 1-й баталіонъ 15 сентября въ г. Мецескъ, 2-й 16 сентября въ г. Масальскъ, 3-й 11 сентября въ г. Жиздру и 4-й 18 сентября въ г. Козельскъ.⁶⁵

Вскорѣ, послѣ прибытія на широкія квартиры, стало извѣстно, что, по случаю упраздненія резервнаго и запаснаго баталіоновъ, штатъ полка увеличенъ 2 штабъ-офицерами и 28 оберъ-офицерами, затѣмъ изъ резервной дивизіи 6 пѣх. корпуса въ полки зачислено 12 унтеръ-офицеровъ и 468 рядовыхъ.

А роты, между тѣмъ, устраивались съ похода, продавали лошадей и повозки; горячая шла работа по устройству каждой ротой для себя манежей или учебныхъ залъ, какъ это требовалъ г. л. Скобелцынъ.

По инициативѣ начальника дивизіи при полковой церкви учреждена должность ктитора изъ оберъ-офицеровъ, которому приказано руководствоваться правилами, установленными для церквей въ округахъ военныхъ поселеній.⁶⁶

Въ 1851 году предвидѣлись большія Царскія маневры, смотры и полкъ дѣятельно готовился къ нимъ, приводя въ ~~порядокъ~~ истре- панная походомъ обмундированіе и снаряженіе; одиночная выправка людей не ~~прекращалась~~ всю зиму. Съ 15 мая 1851 года роты ста- ли на тѣсныхъ квартирахъ при баталіонныхъ штабахъ,⁶⁷ а съ 15-го іюня начался полковой сборъ, для чего баталіоны расположились: 1-й въ Калугѣ, 2-й въ с. Ромодановѣ, 3-й въ с. Трипина-Слободка, 4-й въ с. Подзавалье.

1 іюля отлично подготовленный полкъ повелъ полковникъ Дуссекъ въ Москву и 16 числа сталъ съ нимъ лагеремъ на Хорошевскомъ полѣ.

Большія маневры въ присутствіи Государя Императора происхо- дили въ окрестностяхъ Москвы съ 26 по 28 августа, послѣ чего лагерная стоянка продолжалась еще нѣкоторое время, но не для всѣхъ баталіоновъ одинаково: 1-й и 2-й баталіоны 7 сентября перешли въ Москву въ Хамовническія казармы для содержанія карауловъ, 3-й ба- таліонъ 6 сентября выступилъ въ городъ Рузу на зимнія квартиры, а 4-й баталіонъ 10 сентября направился въ городъ Козельскъ, Ка- лужской губерніи, куда прибылъ 28 числа.⁶⁸ Такъ разбитый на ча- сти полкъ не долго оставался на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, 2-го декабря 1-й баталіонъ изъ Москвы перешелъ въ г. Клинь, а его мѣ- сто въ Хамовническихъ казармахъ занялъ 3-й баталіонъ, передвину- тый для этого изъ Рузы.

Подобная же мѣна баталіоновъ произошла еще разъ въ слѣду- ющемъ 1852 году, когда въ мартъ 2-й баталіонъ былъ смѣненъ въ Москвѣ 1-мъ, а самъ перешелъ въ Клинь.

Только съ 15 іюня штабъ полка 1-й, 2-й и 3-й баталіоны стали сосредоточенно лагеремъ на Ходынскомъ полѣ; 4-й баталіонъ отбывалъ лѣтній сборъ у города Козельца.

Разбросанность, частыя за послѣднее время и на значительныя разстоянія передвиженія, въ связи съ приведеніемъ на военное по- ложеніе и походомъ 1849 г., сильно разстроили, какъ это выяснилось въ послѣдствіи, дѣла полка. При существующихъ ничтожныхъ отпускахъ, запущенномъ, въ силу обстоятельствъ, полковомъ хозяйствѣ, даже лю- бая гвардейская часть наврядъ ли выдержала бы много лѣтъ сряду продолжающійся кризисъ. А Рязанскій полкъ былъ самой обыкно-

веннѣйшей армейской частью, ежеминутно готовый и на дѣлѣ исполняющій во всякое время года передвиженія съ одного конца Россіи въ другой. Гдѣ же тутъ было думать о маломальски сносномъ благоустройствѣ, зажиточности полка? Все держалось волей Божіей да приказаніемъ начальства. Держалось, конечно, до перваго серьезнаго испытанія, которое было не за горами.

1 сентября три нашихъ баталіона оставили лагерь на Ходынкѣ и потянулись изъ Москвы на присоединеніе къ 4-му баталіону въ Калужскую губернію.

Прощаясь съ Москвою, никто и не подозрѣвалъ, что прощается чуть ли не на цѣлыхъ два десятка лѣтъ, что не болѣе какъ черезъ годъ не Московскій экзерциръ-гаузъ, а азіятскія горы и знойныя равнины Арменіи стануть мѣстомъ постоянной службы Царю и Родинѣ. Конечно, объ этомъ и мысль не зарождалась.

Рязанцы шли весело, безопасно на постоянныя квартиры. Составъ и строевая выправка были молодецки.⁶⁹ 6-й пѣхотный корпусъ, а во главѣ его 18 пѣхотная дивизія, истинно радовали Государя Императора, чему много доказательствъ.

Съ 12 по 16 сентября баталіоны наши одинъ за другимъ вступали въ свои прежнія квартиры. Калуга (штабъ), Менцовскъ (1 бат.), Медынь (2 бат.), Масальскъ (3-й бат.), Козельскъ (4 бат.) опять гостепріимно приняли возвратившихся послѣ долгой отлучки Рязанцевъ.⁷⁰

А восторженно приподнятое настроеніе не прекращалось. Держался упорный слухъ о переводѣ 18 пѣхотной дивизіи съ 1853 года на службу въ С.-Петербургъ и не временно, а постоянно. Къ этому готовились съ гордостью и понятнымъ нетерпѣніемъ.